

Дураки и герои

Автор:

Ян Валетов

Дураки и герои

Ян Михайлович Валетов

Ничья земля #3

Разъятая на части после катастрофы Днепровского каскада плотин Украина, превращенная в Ничью Землю, Зону, где нет законов и милосердия... Торговцы оружием с депутатскими значками на груди... Живые роботы, в которых превращает детей таинственное Капище. Шпионские игры на улицах Лондонского Ковент-Гардена... Герои поневоле, подлецы по убеждению, жертвы по воле случая – в новой книге «Дураки и герои».

Ян Валетов

Дураки и герои

Моей супруге, сыну и дочери, всем моим близким – живым и ушедшим, первым читателям этой книги.

Моим друзьям и особенно фокус-группе с форума www.figvam.net с благодарностью за редактуру и критику.

Моей стране, которой я хочу другой судьбы.

Автор

У истории короткая память,

но длинные руки.

Т. Абдрахманов

За геройство не платят -

за геройство расплачиваются...

С. Янковский

Свобода – это право выбирать,

с душой лишь советуясь о плате,

что нам любить, за что нам умирать,

на что свою свечу нещадно тратить.

И. Губерман

Глава 1

«Рэндж ровер», сверкая лаковыми боками в свете ртутных ламп, стремительно неторопливый, словно большая рыба, рыщущая во тьме глубин, скользнул в открывшуюся дверь подземного гаража. Впустив машину вовнутрь, невидимый оператор закрыл ворота – ловушка захлопнулась: челюсти створок бесшумно

сомкнулись, поглотив и джип, и его пассажиров.

Паркинг был огромен. По его размерам вполне можно было судить о величине здания, под которым он располагался. На глаз, а Сергеев умел разбираться в таких вещах, дом, куда их привезли, занимал минимум квартал на севере Лондона – настоящее поместье в черте города.

Вонючка и на лондонских улицах чувствовала себя, как дома, а, оказавшись в подземелье, стала еще увереннее – она прекрасно ориентировалась среди бесчисленного множества опорных колонн, рассекавших пространство стоянки, и твердой рукой направляла джип сквозь искусственный бетонный лес к известной только ей цели.

Открывавшаяся картина запустения рождала инстинктивное чувство тревоги.

Машин на паркинге не было. Только на въезде громоздился вросший в бетон спущенными покрышками остов старого «жука», и еще одна груда автомобильного железа обнаружилась чуть дальше – в густом, пыльном сумраке между двумя столбами.

Куски пластиковых пакетов, смятые жестяные банки, рваные газеты были рассыпаны по всему пути – верный признак того, что когда-то на стоянке кипела жизнь.

Зато возле лифтов, на которые «рендж» вышел, как вынырнувшее из тумана судно на огни маяка, была освещенная до белизны в глазах, чисто выметенная кем-то площадка, а на ней целая выставка дорогих авто, рядом с которыми даже недешевый «рендж ровер» Хасана был просто поделкой в стиле «chip quite».

«Ну, вот, – подумал Сергеев, – если бы я даже не знал, что мы приехали к торговцам оружием, то уже бы догадался...»

«Бентли», «астон мартин», черный, словно таракан, чопорный «роллс», ярко-желтая «ламборджини», выглядящая в этом окружении беспородной выскочкой на королевском приеме. Красный, словно призрак коммунизма, «феррари» тоже был не совсем уместен в этой компании, но все же, все же...

Возле лифтов, подпирая могучими плечами сверкающие нержавеющейкой двери, стояли в вольных позах два добрых молодца (Сергеев просто не мог сдержать улыбки!) ну точь-в-точь как из мультфильма про Вовку в тридевятом царстве – «двое из ларца, одинаковых с лица».

Физиономии у ребяток были мрачные и очень серьезные. При взгляде на них шутить не хотелось, хотелось стать меньше ростом и слиться с серым бетоном пола. Весили ребяткишкы центнера по полтора, и жира в этом весе практически не наблюдалось. В их руках израильские «узи» смотрелись как зажигалки – совершенно не впечатляюще.

И, вообще, несмотря на всю внешнюю мощь, охранники страха не вызывали – больно уж они походили на сотрудников секьюрити, как их показывают в голливудских фильмах и рисуют в дешевых комиксах. Черные костюмы, трещащие на спине от напора мышц белые рубашки, черные туфли. А вот с галстуками вышла промашка – они единообразие нарушали.

Тот молодец, что справа – был в синем галстуке, а тот, что слева – в зеленом. Оба непрерывно жевали резинку, делая картинку кадром из боевика с Ван Даммом – появись обвешанный оружием «Бельгийский мускул» из-за ближайшего столба, и Сергеев не удивился бы.

Михаил кратко улыбнулся одними уголками рта.

Вонючка улыбочку засекла и недобро глянула в зеркало заднего вида.

– Тебе весело? – спросила она по-испански, паркуя джип рядом с «ламборджини». – Это хорошо. Мне нравятся сильные мужчины. Они умирают дольше...

– Да, просто думаю, где вы таких мачо берете? – Сергеев указал подбородком на добрых молодцев с автоматами. – Красавцы! На племя бы, честное слово! Кто выбирал? На чей вкус? Тебе они нравятся, Сержант? Признайся!? Или ребятки больше по душе твоему напарнику?

– Брось, Сергеев, – отозвалась Сержант Че, глуша двигатель. – Не ломай комедию. Меня ты не разозлишь, а Конго...

Она кивнула на сидящего спереди Кэнди.

– Ему плевать на твои шуточки. Он по-испански ничего не понимает. А если бы понимал – убивать бы тебя не стал. Вот выбить зубы – это да! Или сделать евнухом... Хорошая идея, а, Мигелито?

– А по-английски? – спросил Сергеев, не обращая внимания на слова Вонючки. – По-английски эта большая обезьяна понимает?

Хасан внимательно посмотрел на Сергеева.

На его лице явно было написано недоверие.

Он не понимал языка, на котором шел разговор, он был зол и, может быть, даже слегка напуган происходящим. Хотя нет! Напуган – это было не про него сказано. Зол, напряжен – это да! Но не напуган!

– Я бы на твоём месте так не шутила, – посоветовала Вонючка, не повышая тона. – Хоть тебе и нечего терять, но умереть тоже можно по-разному. У Конго действительно плохой характер. Он иногда любит мучить людей. Просто так. Привычка. Он воевал, если ты заметил, а война на его родине имеет свои особенности... Знаешь, какие? Так что то, чему меня учили ребята из вашего КГБ, он умеет делать с детства...

– Что она говорит? – спросил Аль-Фахри.

– Шутит, – сказал Михаил уже по-английски. – Говорит, что у того парня, который заехал тебе по морде – плохие манеры. Ты как? Согласен?

Кэнди улыбнулся, показав безупречные зубы. Впрочем, не совсем безупречные – клыки у него были золотые. Такой улыбкой вполне можно было бы довести до истерики кого-нибудь повпечатлительней.

– Она не шутит! – сказал он ласково, чтобы не сказать вкрадчиво. Английский африканца был далек от совершенства, но в дополнительном переводе не нуждался. – Выходите, только спокойно! Руки за голову!

От толчка труп Пятницы сполз с сиденья в проход между креслами, оставляя на жемчужно-серой коже широкую полосу густой темной крови с серыми вкраплениями – словно кто-то всыпал в густой томатный соус мелкий рис.

Сергеев выбрался наружу, в холодный, пахнувший стылым бетоном воздух паркинга. Хасан, сцепив руки на затылке, уже стоял рядом с джипом и скалился на двух типов из секьюрити, словно сторожевая собака на котов.

Сергеев стал рядом и тихо спросил на фарси, пользуясь тем, что Сержант Че пока еще не обошла «рэндж», а Кэнди, держащий их на прицеле, не вылез из салона.

– У тебя пистолет?

– Да. – Хасан ответил, почти не разжимая губ. – На щиколотке. Когда?

– Еще не время. Жди. Ты поймешь.

Вонючка появилась перед ними, легкая, как танцовщица.

Она была одета в джинсы, легкие босоножки и светлую блузу из шелка – совершенно мирный портрет: ни дать ни взять учительница старших классов. Правда, в диссонанс с образом входили браунинг в правой руке и стальные глаза убийцы, глядящие на мир из-под густых бровей и низкого лба.

Она была миниатюрной, не выше метра шестидесяти, но по тому, как Сержант двигалась, как держала оружие, Михаил мог с уверенностью сказать, что невысокий рост и хрупкое сложение в ее делах не помеха. Если присмотреться, вполне возможно, кому-то Сойка могла показаться достаточно привлекательной, хоть и на любителя – среди ее предков явно не было победителей конкурсов красоты.

Но к внешности притерпеться еще можно. А вот притерпеться к ее запаху было невозможно в принципе: пахло от нее крепко, как в солдатском сортире летом.

Даже в закупоренном салоне джипа запах ощущался не так, как в сравнительно чистом и промозглом воздухе подвального помещения.

Несмотря на то что Сержант Че на лирический лад не настраивала и симпатий не вызывала, Сергееву даже стало ее жалко.

«Бедная баба! Ну, как к такой подступиться?»

А амбре, исходившее от нее, как раз и было результатом того, что к Сержанту подступались крайне редко. И никакими ваннами это было не исправить!

Конго наконец-то прыгнул с подножки джипа и, не сводя с них ствола автомата, зашел справа.

- Ну, что? - спросила Сержант Че. - Чего стоим? Пабло ждет! Пошли!

Мордвороты, охранявшие лифт, при их приближении подобрались и грамотно разошлись в разные стороны. Один из них (тот, что предпочитал зеленый галстук) тиснул кнопку вызова, и кабина элеватора отозвалась мелодичным звоном.

Хасан был бледен и, судя по суровому выражению забрызганного кровью лица, сильно не в духе. Об уровне его подготовленности Михаил мог только догадываться, но думалось, что в бою Аль-Фахри дилетантом не был. И не в его привычках было прощать хоть что-нибудь. На месте грубияна Конго Сергеев бы привел в порядок дела. Так, на всякий случай.

Двери лифта разъехались, снова ударили маленькие электронные колокола.

- Вперед, - скомандовала Вонючка, - в угол и на колени! Быстро, на колени! Руки за головой, сесть на пятки!

И Сергеев, и Хасан приказ выполнили.

Не то чтобы некуда было деваться. Можно было, и если бы приперло совсем, Михаил бы попробовал «оттанцевать» номер, да так, что никто бы и не понял, что именно происходит, хотя риск во время драки получить пулю из одного из стволов был немалый.

Стены в лифте были из полированного алюминия. Силуэты Сержанта Че и Конго отражались в них искаженно, словно в зеркалах из комнаты смеха.

Для того чтобы кабина начала двигаться, понадобился ключ – он был у Вонючки. Путь наверх длился семь секунд.

Двери открылись.

Еще не повернув головы, Сергеев уже знал, что за его спиной укрытый толстым ковролином коридор – тут звук механизма раздвигания створок и сигнальный звон слышались совсем по-другому.

– Подъем! – скомандовала Сержант Че. – Не поворачиваться, рук не опускать! Встали и вышли спиной вперед!

В этом фойе охранников было больше. Двое у лифта и двое у массивных деревянных дверей в полтора человеческих роста. С другой стороны коридор замыкала стальная плита, более похожая на сейфовую дверцу. Справа от нее, на стене, светилась зелеными и белыми огоньками кодовая панель.

Увидев телохранителей и бронированные двери, Сергеев подумал о том, что, возможно, стрельба в лифте могла стать неплохим вариантом. А вот зайти за эту железную стену казалось совсем уж грустным. Потому что покинуть гостеприимных хозяев без их ведома, находясь там... М-да...

Хасан, очевидно, подумал о том же – выражение его лица стало таким, что невольно захотелось втянуть голову в плечи. Он просчитывал варианты, и Сергеев физически ощущал, как напряжены мысли араба – казалось, Аль-Фахри уже чувствовал в ладони рубчатую рукоять оружия, и шаг его стал неровным, подпрыгивающим.

Но что бы там не воображал араб, деваться им было определено некуда. На них смотрели шесть стволов, что делало всяческие акробатические номера делом практически безнадежным. Двери лифта, похоронно зазвенев, закрылись и окончательно отрезали путь вниз. Рослый, темнокожий бодигард набрал на панели шестизначную комбинацию цифр, зашипела пневматика, сработали приводы, открывающие дверь, схожую на сейфовую, и они шагнули внутрь, уже обреченно понуриив головы, словно группа приговоренных, идущая на казнь.

Сразу за дверью открылся большой зал с колоннами под «антик», обширным балконом по второму ярусу и широкой, изогнутой лестницей, ведущей наверх. Окон не было видно за тяжелыми драпировками из старомодной бархатистой ткани. Огромное паркетное поле размерами с площадку для мини-футбола казалось пустынным, как пляж ранней весной. Только вдалеке, на невысоком подиуме, стояли несколько глубоких, с высокими спинками, кресел, широкая софа фривольного вида, столик с чайными приборами на нем, да черный рояль, почему-то кабинетного размера.

– О, у нас гости!

Человек, шагнувший с подиума им навстречу, был невысок, темноволос, сухощав и строен, как мальчишка. Одежда отличалась колониальным шиком – темные слаксы, черные и блестящие остроносые туфли и белоснежная рубашка с воротником-стойкой, застегнутым под шеей крупной мужской брошью, – Сергеев и не догадывался, что кто-то все еще одевается таким образом. Довершал облачение изысканно мятый пиджак нежно-лимонного цвета. К подобному костюму полагались остренькие кошачьи усики, но их, на счастье, не было и, может быть, поэтому хозяин дома не казался карикатурой.

Острый, выбритый до синевы подбородок, слегка крючковатый нос с большими ноздрями, темные большие глаза, тонкий, похожий на бритвенный разрез рот, почти лишенный губ, – испанский гранд, честное слово! Волосы Пабло оказались стянуты на затылке в лошадиный хвост, открыв посторонним взглядам маленькие, плотно прижатые к черепу уши.

Человек улыбался открыто и радушно, но от его взгляда веяло холодом, и сомнений не возникало – он был опасен. Очень опасен.

Это Сергеев почувствовал сразу, как только увидел слегка порченное оспинками лицо, столкнулся взглядами и услышал бархатистый, как подушечки кошачьих лап, голос, произнесший по-испански:

– Че, ты просто незаменимая женщина! Я был уверен, что у тебя всё получится! Сеньоры! Рад вас видеть! Присаживайтесь!

Сергеев шагнул в сторону кресла, но Сержант Че ткнула его стволом в ребра, и он вместе с Хасаном очутился на низкой и мягкой софе, с коленями выше подбородка и под прицелом двух пистолетов-пулеметов. Теперь стало понятно, что фривольная софа стоит в зале не от дурного вкуса декоратора, а совершенно намеренно, чтобы стреножить строптивых гостей.

– Устраивайтесь поудобнее, – предложил хозяин, пряча издевательскую улыбку в уголках узкого рта, и сел в кресло напротив. – Меня зовут сеньор Пабло.

Позицию он, как отметил Михаил, выбрал правильную. От противника сеньора Пабло отделял низкий сервировочный столик, да и поза, в которую он их усадил, для стремительной атаки подходила мало.

– Значит, вы – тот самый знаменитый Мигель!? – спросил сеньор Пабло, приподняв брови домиком.

Свет почти не падал на его лицо, но Михаил отметил, что лет хозяину немало: хорошо за пятьдесят, а может быть, и ближе к пятидесяти пяти. Вот только волос у латиноса оставался почему-то черным, как вороново крыло.

Сергеев незаметно улыбнулся.

Сеньор Пабло красился, а это о многом говорило. Например, о том, что Пабло по кличке Кубинец очень себя любит, молодится, скорее всего, скрывает от окружающих свои годы, жрет виагру, как обезьяна бананы, склонен к театральности, и всегда старается представить, как его скромная особа выглядит со стороны.

– Мигель Рамирес! – воскликнул Кубинец и сделал в воздухе неопределенный жест рукой. – Ола! Таинственный Рамирес! Тот самый, которого Че ловила много лет назад, да так и не поймала. Тот ваш побег, сеньор Мигель – совершенно фантастическая история. Я помню, как ругался Рауль. И сам Фидель был страшно не доволен. Младший даже расстрелял кого-то сгоряча! А теперь вы... Теперь вы кто?...

Он вопросительно посмотрел на Вонючку.

– Анхель, – подсказала она. – Анхель Гарсиа.

– Ну да... – Пабло улыбнулся. – Это называется возвращение к истокам. Неплохо, имечко символичное, хотя фамилия плебейская. Подкачала фамилия! Могли бы и получше подыскать!

Сергеев наблюдал за устроенным в их честь спектаклем спокойно. Собственно говоря, суетиться было уже поздно. Раньше нужно было суетиться.

– Про вашу настоящую фамилию, сеньор Рамирес, я вас и не спрашиваю. Всегда был слаб памятью на русские имена. Вы же не обидитесь, если я буду называть вас Анхелем?

– А я и есть Анхель, – сказал Сергеев как можно серьезнее. – Анхель Гарсиа. Хотя моя фамилия и кажется вам плебейской – другой у меня нет.

Сеньор Пабло неожиданно весело подмигнул Михаилу и кивнул, соглашаясь.

– Да, да... Конечно. Если хотите. А вы?

Он перевел взгляд на Хасана и продолжил уже на хорошем английском:

– Вас я знаю только понаслышке, но...

Он помахал в воздухе тонкой кистью руки, словно подыскивая сравнение:

– Я вас уважаю как соперника. Сильного соперника! Вы, Аль-Фахри – сильный соперник... Наверное...

– А я тебя не знаю, – проскрипел простреленным горлом Хасан и показал зубы в страшноватой улыбке.

Засохшая кровь живописно смотрелась на его лице, словно безумный художник нанес на смуглую кожу мазки бурой краской.

– Кто ты? Что тебе нужно?

Конго, стоящий справа от сеньора Пабло, услышав звуки английской речи, оживился и перехватил оружие поудобнее.

Сержант Че, сидевшая в кресле слева от Кубинца, держала браунинг на колене, глядя на Сергеева и араба с презрительным любопытством мясника, разглядывающего обездвиженную жертву.

Разговор ее явно забавлял.

– И действительно, – легко согласился сеньор Пабло. – Чего зря время тянуть? Давайте будем отвечать на вопросы! Я даже готов начать! Меня зовут Пабло, но это вы и так уже знаете. Я кубинец и моя кличка совпадает с моей национальностью. Так уж случилось, что мне пришлось пригласить вас в гости. Совершенно внезапное решение, поверьте, сеньоры, сделанное спонтанно, под давлением обстоятельств! Я едва успел согласовать его с руководством своей маленькой, но очень гордой страны!

Он прервался на то, чтобы раскурить сигариллу – черную и до одури ароматную. Сергееву от сладковатого запаха горящего табака сразу захотелось курить, да так, что начали неметь губы и десны.

– Сложилось так, – выдохнул Кубинец в воздух вместе со струей густого голубовато-серого дыма, – что позиции моей страны традиционно сильны в некоторых африканских странах. Мы приходили туда вместе с русскими и воевали там, где они форсировали свое присутствие. Мы были инструкторами, советниками...

Сергееву показалось, а, может быть, и не показалось, что при слове «советниками» Кубинец бросил на него насмешливый взгляд.

– ...ударной силой, пушечным мясом, маскировочной сеткой! Да кем угодно были... В зависимости от необходимости!

Он улыбнулся и повел бровью с таким изяществом, что у Сергеева родилась мысль, что сеньор Пабло «голубоват» не на шутку. Или же чрезмерно манерен, что бывало с людьми его профессии, возомнившими себя богами. Иногда возможность безнаказанно убивать творила удивительные вещи с человеческим самомнением! Одно радовало: если исходить из богатого опыта Сергеева – те,

кто начинал мнить себя всесильными, жили недолго.

И умирали плохо.

– А потом, в один прекрасный день, мы остались одни. Русским стало не до нас, и они сразу забыли все обещания и клятвы в вечной братской любви... Вы, сеньор Анхель, только представьте себе ситуацию, в которой осталась целая страна! Моя страна! Когда внезапно, в один момент прекратились поставки топлива, оружия, запчастей к технике? Когда перестало поступать продовольствие, а единственный продукт, который мы производим, – сахарный тростник – наша гордость, наша кровь и плоть, оказался никому в мире не нужен? Представили? Ну, так это еще не все! Исполняя волю «старшего брата», мы давно увязли в малых войнах по всему миру, и платили жизнями своих соотечественников за торжество чужой идеологии и финансовых интересов? Вот вы бы, сеньор Анхель, что бы вы делали на нашем месте? Неужто не постарались бы использовать любой шанс для того, чтобы дать выжить своей стране? Русские оставили нам Африку в плату за собственное малодушие...

– Я надеюсь, – спросил Сергеев не без издевки, – что вы не станете возлагать на меня персональную ответственность за чужие поступки? Тем более что я аргентинский гражданин, а сеньор Аль-Фахри так и вовсе... Ты, кстати, откуда? – спросил он Нукера.

– Саудовская Аравия, – ответил Хасан, кося глазом на Михаила.

– Ну, вот... Сеньор Хасан и вовсе из мирной нефтяной державы! Он и на Кубе-то не был...

– Это-то я знаю, – неожиданно серьезно сказал Кубинец, всматриваясь в лицо Сергееву с нехорошим любопытством, словно стремясь запомнить в мелочах. – Что ему делать было на Кубе? Там ему делать было нечего, в отличие от вас, Гарсиа! Сеньор Хасан оказался сюрпризом для всех заинтересованных сторон. Не скажу, чтобы приятным, но сюрпризом. Вообще-то, сеньор Анхель, вы будете удивлены, узнав, сколько неожиданностей подстерегало вас во время этой операции.

– Какой операции? – спросил Сергеев, со всем тщанием изображая невинность.

Получилось, надо сказать, неубедительно, даже на собственный пристрастный взгляд. На невинность Сергеев не тянул!

Кубинец посмотрел на него с укоризной.

– Вы считаете, что здесь вы один профессионал? – Бровь сеньора Пабло, подрагивая, поползла вверх. – Непростительное самомнение, сеньор Анхель. Хочу заметить, что я и постарше вас, и много лет выполняю самые деликатные поручения своей страны во многих уголках мира. Я могу назвать старшего Кастро своим другом, а Рауль считает меня братом... Я ел с одной тарелки с теми барбудос, которых из-за вас, сеньор Анхель, из-за настойчивости всей вашей чертовой группы, отправили на расстрел безо всякой вины. Только потому, что мы, кубинцы, должны были показать всему миру что НЕПРИЧАСТНЫ! Я не буду рассказывать вам трогательные истории... Куба ведь стала перевалочным пунктом для наркотрафика из Колумбии не тогда, когда ее предал СССР. Все случилось гораздо раньше. Ваши идеологи это и продумали. А ваши генералы получали долю от бизнеса. Вашим старикам у власти нравилась мысль о том, что именно через Кубу в Штаты текут рекой кокаин и марихуана. Им нравилось убивать противника нежно, принося ему посмертное удовольствие. А то, что Рауль зарабатывал для своей семьи и своей страны, продавая дурь гринго, – что в этом плохого? Какого дьявола вы полезли в это дело? Когда вы бросили нас, именно наркотики помогли Кастро выжить. Наркотики из Колумбии и африканские бриллианты. А потом – эти дурацкие слухи, так тревожащие мировую общественность! – Слова «мировую общественность» он выплюнул с отвращением. – И твоя группа, которую прислали на заклятие, как баранов. Международный скандал: Кастро отстраняет брата от власти, расстреливает своих боевых товарищей! Гениальная дымовая завеса! Все время, пока шел судебный процесс, мы доставляли во Флориду минимум тонну в неделю.

Он замолчал.

– А герои – барбудос... Жаль, конечно... Многие из них были мне, как братья... Настоящие сыновья кубинского народа! Герои... Но героев не должно быть много! Как народ разберется, кого надо больше любить? Кого надо больше слушаться? Герой должен быть один! Остальные должны быть мертвыми.

– И что нового ты мне сообщил? Что Кастро нашими руками расчистил себе место под пьедестал? – переспросил Сергеев. – Так это ни для кого не новость...

Отрицать свое участие в той давней операции было, по крайней мере, глупо. Этот стилиста явно знал все. Ну, почти все...

- И, главное, зачем ты это сообщил? Я сейчас какое к этому имею отношение? Ныне я мирный турист, которого твои «отморозки» похитили в центре города? Да, я был на Кубе тогда. Был - признаю. Но сегодня я вне игры!

Улыбка у Кубинца получилась настолько широкой и добродушной, что Сергееву стало не по себе.

- Вне игры... Русский. С аргентинским паспортом. С испанской фамилией. Вне игры! Bravo! Ценю смелых людей! Я и сам - человек смелый, поверьте, но не стал бы так беспардонно лгать, сидя перед противником, кстати, в глупой позе. Вы же в полной моей власти, сеньор Гарсиа! Зачем вы так глупо врите? Кого пытаетесь ввести в заблуждение? Вы же беспомощны! Я могу сделать с вами все, что мне взбредет в голову! Отдаете ли вы себе в этом отчет? А если ещё учесть те искренние и крайне недобрые чувства, которые к вам питает Че... И много лет питает, прошу заметить, а она человек творческий, увлекающийся! Вы рискуете, мой русский друг, очень рискуете! Думаете, что игра стоит свеч? Зачем вам меня злить, сеньор Анхель? Зачем же так разочаровывать?...

- Сейчас вы скажете, что профессионал должен уметь проигрывать, - отозвался Сергеев. - Что вы и без меня знаете все и что мое упорство ни к чему не приведет... Mon Dios, сколько раз я слышал эти слова, начиная еще с учебки... Не разочаровывайте теперь вы меня... С какой укоризной произнесено! С какой экспрессией! Правда, особенно часто я слышал этот пассаж от женщин...

- Послушай, Пабло, - сказала Сержант Че и, не сводя с Михаила глаз, щелкнула зажигалкой, закуривая сигарету. - Зачем ждать? Он же из тех, кого словами не возьмешь... Может быть, я для начала раздавлю ему одно яичко? Если ты не будешь возражать? Это сделает его покладистой!

Она захлопнула свою «зиппо», бросила ее на столик и слегка прищурилась. Потом протянула вперед левую руку ладонью вверх, и сделала движение пальцами - будто бы что-то захватывала и сжимала в горсти. Кисть ее напряглась, и в тишине стало слышно, как хрустят суставы.

– Гы! – Конго осклабился, сверкая золотыми клыками. Эта часть беседы была ему доступна.

– Знаешь, Мигелито, – продолжила Вонючка, улыбаясь. – Мне нравятся мужчины. А вот я мужчинам, как бы это сказать... Не очень нравлюсь. Я уже не так молода, как раньше. И Вонючкой меня называют не зря...

Она затаилась глубоко, щеки запали, и от этого лицо стало еще больше походило на мордочку макаки.

– Но природу не обманешь, ведь так, красавчик? Не все мужчины рождаются мачо, не все женщины пленяют красотой... Но все хотят любви! И когда мне становится невмоготу, я беру любовь сама. Как умею. А как я умею это делать, ты попробуй догадаться. Никто тебе об этом не расскажет, и не потому, что мужчины умеют хранить тайны... Этого-то они как раз делать не умеют...

Она еще раз «похрустела» пальцами.

– А не рассказывают они об этом никому, mon Corazon*, потому что рассказывать некому... Понимаешь, о чем это я?

Эффект от ее выступления, надо сказать, наблюдался. Она не рисовалась, не преувеличивала. Имея чуть-чуть воображения, можно было представить себе, ЧТО приходило ей в голову в такие вот моменты, и если бы Сергеев в свое время не водил близкого знакомства с покойным ныне Чичо – мастером по владению аккумулятором и киянкой, то, пожалуй, мог и запаниковать.

А вот Хасан... Араб Чичо лично не знал. Араб не привык к тому, что женщина может быть хозяйкой в пыточной и не закрывать лицо никабом**.

От Хасана едва уловимо, но отчетливо запахло страхом, хоть он и смотрел на Сержанта Че, пытаясь держать спокойное выражение лица. Судя по всему, неустрашимый Аль-Фахри сохранял самообладание только усилием воли.

– Понимаешь... Ты все понимаешь, Мигелито, – промурлыкала Вонючка удовлетворенно, и глаза ее подернулись поволокой предвкушения. – А я бы тебя полюбила! Ох, как бы я тебя полюбила! Медленно, с расстановкой... Ты же

трахал кубинок, Сога тіо, знаешь, сколько в нас страсти?

Сергеев промолчал, но взгляда не отвел.

Сомнений не было – Сержант Че по-настоящему опасна, потому что неуправляема – в ней чувствовалась «сумасшедшинка». Та самая «сумасшедшинка», которая отличает просто жестокого человека от хладнокровного убийцы. От убийцы, у которого не бывает хозяина и тормозов. И ее вежливые обращения к Кубинцу за позволением сделать то или иное, были не более чем данью некоего уважения. А скорее всего не уважения, а его имитации...

Глаза у Че в этот момент стали совсем нехороши: тусклые от желания и похоти и притом мертвые, как у дохлой собаки. Правая щека кубинки подрагивала, суставы пальцев похрустывали, сжимая нечто пока неведомое. Ужасный запах, исходивший от нее, явно усилился и теперь шибал Сергееву в ноздри и с трехметрового расстояния.

Пабло развел руками – мол, что я могу изменить, на самом деле! Брать Сержанта Че «за ошейник» он явно не собирался.

«Правильный ход! – подумал Сергеев с досадой. – Черт его бери, но ход совершенно правильный! Может, он нас и не сломает, но психологически покорит на сто процентов! Перепугает Хасана – вон, как его, бедного, дёргает!

Да и я не каменный, и не выдержу, если она начнет отгрызать мне мошонку, а с неё, ненормальной, станется! Я бы на месте Кубинца тоже не вмешивался. Время у них, судя по всему, есть. А в этом деле, если есть время, можно и не торопиться...»

– Так что, мучачо? – Сержант Че заодно подмигнула и облизала пухлые губы неестественно ярким, как у собаки, языком. – Когда начнем? И с кого? Может быть, я сначала займусь твоим дружком? Ты любишь смотреть, Мигель?

Она перевела взгляд на помертвевшего Хасана, и снова быстро, словно змея, облизнулась.

Когда она отвела глаза, Сергеев позволил себе моргнуть.

Он чувствовал, как от взгляда Вонючки Аль-Фахри закаменел и напрягся внутри, словно взведенная пружина. Если учесть, что на лодыжке у араба была кобура с оружием, а нервы на пределе, ситуация складывалась опасная. Вытащить пистолет, закрепленный у щиколотки, из позиции «зад на земле», было акробатическим трюком и проделать подобное упражнение по-настоящему быстро не смог бы и Гудини. Даже встать вертикально из такого положения и то заняло бы несколько секунд! А этих секунд просто не было!

Сергеев с Хасаном сидели на софе рядом, аки голубки на подоконнике, и стоило Конго только повести стволом одной из своих пушек...

От трехсот грамм свинца еще никто здоровее не становился.

– С трупами будет тяжело сотрудничать, – сказал Сергеев демонстративно, апеллируя к Кубинцу и стараясь ничем не выдать чудовищного напряжения, сводившего внутренности в тугой, как мяч для гольфа, комок.

Ему просто необходимо было стравить Пабло и Сойку между собой. Пусть на пять минут, но заставить их спорить. Пока он судорожно искал выход из ситуации. И не находил. Если не считать выходом пусть героическую, но все-таки бессмысленную гибель.

Значит, надо будет сдаться...

В таких случаях лучше временное отступление, чем бесславная смерть, – уж что-то, а эту истину Михаил усвоил давным-давно. Надежда умирает последней – избито, конечно, но пока человек жив... Он нащупывал пути для отхода и молил Бога, чтобы у Хасана хватило выдержки, терпения и мудрости понять, что некоторая сдача позиций неизбежна и вовсе не является несмываемым бесчестьем!

– Знаешь, Пабло, ведь я предпочту умереть...

– Если сможешь, – Вонючка скривила губы в улыбке. – Ведь умереть быстро я тебе не дам! Ты сильный. Ты будешь умирать долго!

Сергеев продолжал говорить с Пабло, не обращая на Сойку внимания. Формально именно Кубинец здесь хозяин. Че явно зарвалась и не учла, что ни один мужчина-латинос, привыкший править, не станет терпеть над собой женщину.

– Пабло, ты хочешь, чтобы мы умерли? Или все-таки сотрудничать?

– Разумно сказано, – заметил Пабло без усмешки. – Вот видишь, уже не я тебе – ты мне говоришь о сотрудничестве. А ведь Че еще ничего тебе не сделала! Представь, как бы ты рыдал у меня на груди, если бы она потрудилась над тобой полчаса! А если бы часик? Или день? Разум, amigo, всегда слушает голос страха, его ничем не заглушить. Но ты прав. Не скрою... Мне не нужна твоя смерть. Мне не нужна его смерть...

Он кивнул в сторону сидящего тихо, как мышь, Аль-Фахри.

– А что нужно? – спросил Сергеев. – Хочешь, мы для тебя станцуем? За таланты Хасана я не отвечаю, но я когда-то неплохо танцевал танго!

– Смотри-ка, – на лице Пабло сначала появилось нечто похожее на недоумение, а потом он расхохотался, покачивая головой. – Ты все еще можешь шутить?

– А чего ты ожидал? Что я упаду на спину и начну молить о пощаде? Нет, Кубинец! Я же сказал тебе, что умру раньше, чем твоя цепная сука до меня доберется. Или загрызу ее в процессе...

– Загрызешь? – переспросил Кубинец, улыбаясь. – Ах да... Как же, как же... Помню. У тебя уже есть определенный опыт в этих вопросах. Значит, лучше умереть стоя... Твой выбор, Гарсиа – это твой выбор. Я заранее его уважаю. Не могу назвать его умным, но определенная последовательность в принятии решений все же прослеживается. Но, согласитесь, умереть вы всегда успеете. Сержант – женщина терпеливая! Зачем думать о грустном? Сеньор Анхель, то, о чем я собираюсь с вами говорить, на самом деле не потребует от вас сурового нравственного отступничества. Это всего лишь одноразовое использование ваших специальных навыков. Сделали дело – и вы снова свободны! Так что? Будем продолжать спектакль? Лить слезы и кровь? Или обсудим условия?

– Обсудим условия, – сказал Сергеев в третий раз за последние две недели, и услышал, как тихонько, с облегчением выпустил из груди воздух Аль-Фахри.

– Превосходно! – Кубинец встал и зашагал по подиуму, громко стуча по художественному паркету каблуками своих остроносых туфель. – Сначала обещанный спич о сюрпризах. Мы, действительно не ожидали, что в игру вмешается сеньор Хасан. Но тех, на кого он работает тоже интересуется груз, и у них большие возможности. Действительно большие, можете мне верить на слово. Технически они превосходят нас на порядок...

В кармане у Кубинца зазвенел мобильный телефон.

«„Полет Валькирий“, – отметил Михаил. – Однако! Из всех искусств главным для нас является кино...»

Пабло неохотно прервал декламацию, включил трубку, которая сразу же характерно «заквакала», выслушал звонившего и сказал в микрофон одно слово: «Si!»

– У вас, сеньор Анхель, – продолжил он, кладя мобильный во внутренний карман своего цитрусового пиджака, – никогда не возникало впечатления, что наша с вами профессия – не самая лучшая в мире? Я понимаю, вопрос несколько неожиданный, вы даже по привычке сделали лицо оскорбленной невинности, но я вас заранее за все прощаю. Если мы договоримся, конечно! Хотите курить?

Курить хотелось.

Лежащая в пепельнице недокуренная сигарилла Кубинца, тонкая, как дамская папироска, наполняла воздух изысканным сладковатым ароматом, но Сергеев отрицательно покачал головой. Если он возьмет предложенное, то у Кубинца появится реальное психологическое преимущество – это азы вербовки и ведения допроса.

«Закурить можно попросить, но позже. Руки у меня не скованы. Сигарета и зажигалка тоже могут быть оружием».

– Не будете? – переспросил Кубинец. – И зря... Ну, как хотите! Я ведь вот о чем... Люди нашей с вами профессии находятся в постоянной зависимости от слишком большого количества посторонних факторов, главный из которых, увы, человеческий! Такие уж у нас профессиональные риски: нас предают и обманывают те, кого мы считаем коллегами, друзьями да и просто знакомые нам люди.

Лицо сеньора Пабло приобрело скорбное выражение, брови трагично сомкнулись на переносице, подбородок вздернулся...

– Слишком велик процент предателей! Знаете, – сказал он доверительно, – всегда находится кто-то, кто что-то слышал, что-то видел и не прочь всю эту информацию продать кому угодно по сходной цене. Случайные прохожие, платные осведомители, просто обиженные невниманием агенты... И что тут удивительного? Тщеславие – верный путь к предательству. Обиженный всегда сыщется. Такие уж мы люди – всегда кого-нибудь обижаем! Недооцениваем, недоплачиваем, не добиваем вовремя! А обиженный – это уже наполовину предатель!

– А теперь, – ответил Сергеев, точно копируя интонации собеседника, – на арену приглашается звезда сегодняшнего вечера – господин Базилевич!

– Точно! – Кубинец показал в улыбке белые клыки, только глаза оставались совсем холодными, внимательными. – Я надеюсь, никто ни на кого бросаться не будет? Сеньоры, дон Антон очень ценен лично для меня, и в случае конфликта... Гм, гм... Как бы это сформулировать? Я буду на его стороне! Это понятно?

Сергеев пожал плечами. Хасан мрачно глянул исподлобья и пробормотал на фарси такое, что Сергеев невольно восхитился цветистостью оборота.

Вошедший в зал Базилевич в глаза Сергееву с Хасаном не смотрел, передвигался боком, как ошалевший от жары песчаный краб, и всем своим видом показывал, что готов броситься наутек при первом же признаке опасности.

Знаток политиков и политеса Михаил себя не считал, но почему-то считал, что признанный миром лидер оппозиции многомиллионной и формально демократической страны, должен выглядеть и вести себя иначе...

– Доброго дня, Антон Тарасович! – поприветствовал он вошедшего.

Аль-Фахри выразительно пожевал губами, став удивительно похожим на взбешенного верблюда, и, как казалось, только огромным усилием воли заставил себя не плюнуть в своего бывшего агента.

Сержанта Че Базилевич обошел по сложной кривой, держась от нее как можно дальше, нашел себе место на табурете у рояля, присел на краешек и замер «столбиком», словно суслик, выглянувший из норы.

– Ну вот, сеньоры, – объявил Кубинец торжественно, явно получая удовольствие от ситуации. – Все в сборе. Поговорим тихо, почти по-семейному. В принципе, основная тема только одна – мне нужен груз. Мы знаем, где он находится сейчас, откуда и куда следует. Более того, я предполагаю, что сеньор Аль-Фахри намеревался использовать для изъятия контейнеров и сокрытия следов операции ситуацию, сложившуюся в Джибути. И, что скрывать, сам собираюсь проделать то же самое!

От тяжелого взгляда разъяренного Хасана Антон Тарасович оробел и втянул голову в плечи так, что в профиль стал походить на всадника без головы.

– Мы знаем, кого представляет здесь сеньор Аль-Фахри, – Пабло чуть склонил голову в поклоне. – Мы знаем, кого представляет сеньор Анхель. Скажу более – мы уважаем этих людей и их бизнес. Но, увы, сегодня и здесь, наши интересы расходятся...

– Зачем тебе «кольчуги», amigo? – спросил Сергеев и пожал плечами в недоумении. – Это же не «стингеры», не комплекс «стрела» – пальнул в белый свет как в копеечку и нет проблем! Их же обслуживать надо, следить за ними... Знаешь такое слово – регламент? Не будет регламента – и ты их никуда не перепродашь уже через год, просто закопаешь где-то в пустыне! Они без спецов по наладке и эксплуатации – груда металлолома! Понятно, что они достанутся тебе даром, но ничего и не стоят и при продаже! Что ты собираешься поиметь? Навар с крутых яиц? А вот врагов... Врагов ты себе наживешь со всех сторон – что с моей стороны, что со стороны Хасана. Ты же неглупый человек Пабло! К чему эта комедия? Уж лучше б отступного попросили!

В зале повисло молчание. Сергеев почувствовал, что сморозил какую-то глупость – так смотрят на ребенка сказавшего непристойность во взрослой компании.

– Да, как тебе сказать, – отозвался Кубинец и раздавил окурок сигариллы в пепельнице. Звук был такой, как будто бы лопнул панцирь насекомого – звонкий хруст. – «Кольчуги» нам действительно даром не нужны. Что я с ними делать буду? Мне лишняя популярность противопоказана! Найдут ведь и отрежут яйца, словно быку... А вот оружейный плутоний – тот пригодится наверняка. Хорошие деньги, поверь! Очень хорошие. И покупатель найдется. А искать изотоп официально – не станут никогда... Его ведь по бумагам никогда не было. Он уничтожен, о чем составлены соответствующие акты и предоставлены, прошу заметить, мировому сообществу! Так что искать такой груз – себе дороже! Твои шефы, сеньор Гарсиа, не дураки. Они никогда и никому не расскажут, ЧТО именно лежало в контейнерах. Это равносильно тому, что подписать себе смертный приговор. А страну навеки занести в черный список...

– Что за бред, Кубинец, – сказал Сергеев, брезгливо морщась. – За кого ты меня принимаешь? Какой плутоний? Откуда? Что за побрекито* сказал тебе такую чушь?

– Это правда, господин Сергеев, – голос у Базилевича был севший и безжизненный от испуга.

Страх вцепился ему в плечи, жарко дышал в ухо и гладил Антона Павловича по затылку мускулистыми лапами.

– Это правда... – повторил он. – В двух машинах едут не блоки «кольчуг», а замаскированные контейнеры с оружейным плутонием.

– Плутоний... – выдавил из себя Михаил, холодея от самой мысли о возможном предназначении такого груза, идущего на Ближний Восток.

Он повернул голову в сторону Аль-Фахри, спокойно наблюдавшего за разговором, и столкнулся с арабом взглядами.

Тот смотрел сочувственно, как на душевнобольного.

«Почему я всегда узнаю обо всем последним? – с тоской подумал Сергеев. – Ну, почему?»

* * *

Когда крупная, размером с хорошего кота, крыса выскочила ему под ноги из бывшего зрительного зала, волоча в пасти отгрызенную человеческую руку, Сергеев выстрелил почти рефлекторно.

Крыса тащила добычу за кисть: бледные обкусанные пальцы торчали у нее изо рта в разные стороны, как щупальца. Сергеева поразила аккуратность, с которой были выгрызены ногти на руке – словно некий гурман, смакуя, выкусывал роговую ткань.

Жирное, лоснящееся от избыточного питания животное, двигалось на удивление быстро, целеустремленно и, несмотря на опасность, явно не хотело выпускать добычу из зубов. Пущенная Михаилом пуля перебила серо-коричневой нечисти хребет, и крыса, так выронив руку, завизжала пронзительно, как кричит насмерть испуганный ребенок.

В ответ на этот визг пространство за дверями бывшего кинозала, освещенное мрачным красным огнем фальшфейера, ожило, и зал наполнился топотом, писком, шорохом, каким-то страшным, физиологическим хрустом – словно кто-то кому-то выламывал кости из суставов.

– Мать твою! – выдохнул Вадик, упершись в Михаила безумными от страха глазами. – Сергеев! Сергеев! Это же крысы!

Смертельно раненное животное волчком крутилось у них под ногами. Веером летела кровь из простреленной тушки, и бился под облезлыми, влажными сводами жуткий, скребущий по позвоночнику, визг...

Вадик не выдержал и дал короткую очередь, разорвавшую тварь на части. Внутренности разлетелись во все стороны, обдав брызгами и ошметками плоти сергеевские ботинки, а в воздухе, перебивая пороховую гарь, повис плотный аромат разложившегося в желудке грызуна мяса...

Шорох за дверями усилился.

Казалось, что из зала на них накатывается прибойная волна – звук напоминал неразборчивое бормотание огромной, приближающейся толпы.

Сергеев сорвал с нагрудного карабина гранату – мысль о том, что в помещении остались живые люди в голову уже не приходила – и катнул ее вовнутрь, одновременно налегая всем корпусом на тяжелую створку дверей.

Очнувшийся от ступора Вадик успел метнуть в проем вторую «лимонку» и изо всех сил надавил на свою створку.

За дверью глухо рвануло. Взрывная волна ударила в дверное полотно, как подушкой, осколки забарабанили по филенкам, но Сергеев с Вадимом дверь удержали. Рвануло еще раз – сильнее. По стенам прошла дрожь. Что-то хрустнуло. От взрыва с грохотом обрушилась часть балюстрады над фойе, с потолка полетела пластами отслоившаяся штукатурка, а из-под захлопнувшихся дверей выплеснуло густыми языками вонючий, цветной дымок.

И в зале завывали тысячи демонов. Шуршание когтистых лап стало настолько вещественным, что Сергеев начал ежиться, непроизвольно дергая плечами.

Изо рта Вадика рваными струями било паром дыхание и, глядя на то, как ходит под «разгрузкой» его грудь, можно было подумать, что командос только что пробежал десятикилометровый кросс по пересеченной местности. Он дышал с присвистом, хватая перекошенным ртом холодный, пахнувший смертельной опасностью воздух, и не мог надышаться. Во взгляде его появилось что-то необычное, и Сергеев вдруг сообразил, что глаза у напарника стали совершенно черными из-за поглотивших всю радужку зрачков.

– Мы не удержим дверь, – произнес Сергеев, и сам удивился тому, как странно четко и спокойно прозвучал его голос в гулком вестибюле. – Тут есть тысячи нор и проходов. Через минуту они будут в фойе.

– Огнемет бы... – отозвался Вадик и снова присвистнул на вдохе. – Не надо «шмеля»! Простой огнемет!

Он так вцепился в свой «калаш», что костяшки на пальцах побелели. В ящиках, притороченных к боку «хувера», «шмель» был. Но до «хувера» отсюда было, как до Киева, а может быть и дальше...

– Что будем делать, Сергеев?

Волна, накатывающаяся на них изнутри зала, наконец-то достигла дверей – звук был такой, будто бы вздохнул великан. Потом тысячи когтей заскрежетали по дереву, скрипнули петли.

Для того чтобы не отлететь прочь, Михаил с напарником уперлись ногами в пол, что было силы. Сергеев представил себе тысячи жирных, огромных крыс, окрепших на людских останках, копошащихся в темноте бывшего зрительного зала. Живой, кипящий ковер из спин, голов, поблескивающих глазок. Ковер дышащий, воняющий, испражняющийся на бегу, шипящий и взвизгивающий, вздымающийся перед преградой все выше, выше и выше, словно подошедшее дрожжевое тесто, выползающее из кастрюли.

– А если наверх? – предложил Михаил и запнулся.

Он окинул взглядом полуобрушенную балюстраду, засыпанную стреляными гильзами лестницу, ведущую на второй этаж, и понял, что сказал глупость. До балкона не добраться...

Разницы в том, где именно тебя съедят, не было никакой. Крысы и по гладким стенам лазят превосходно. Если отпустить дверь сейчас, то добежать до выхода из здания просто не успеть, а стрелять по такой массе животных пулями бесполезно. Тут не поможет и верный обрез, ждущий своего часа в кобуре на бедре. Что такое две дюжины картечных зарядов против полчища грызунов? Сколько же там этих тварей? Тысяча? Две? Больше?

Кинозал был последним редутом обороны – здесь защитники держались до последнего. И трупы убитых на улице жителей нападавшие стащили сюда же. Если в поселении не выжил никто, то в зал попало никак не менее сотни тел. Несколько тонн мяса, костей, аппетитных розовых сухожилий, нежной, с синими разводами гниения, кожи, едва тронутой тлением... При температуре в три-четыре градуса тела разлагаются медленно. Для крыс за закрытыми дверями был и стол, и дом... Там, во мраке, они столовались, строили гнезда, выводили

детенышей и...

Михаил почувствовал, что его сейчас стошнит. Дверь вибрировала под напором стаи.

Выход! Ну! Должен же быть выход!

– Вадик! – Сергей заговорил быстро, глотая окончания. Он чувствовал, что счет идет на секунды. – Слушай меня внимательно! Снимай ремень с автомата, и вяжи между собой ручки на двери! Быстро!

Школа у воспитанника Бондарева была хорошей. Получив приказ, командир спецназа начал действовать раньше, чем Сергей закончил говорить.

Стянутая брезентовым ремнем, двустворчатая дверь поддалась лишь на несколько сантиметров, но и этого хватило, чтобы в образовавшуюся неширокую щель выскочили несколько мелких крыс. Раздался скрип, затрещала плотная ткань ремня, и словно из прорвавшей плотины на пол вестибюля хлынула серая струя пронзительно пищущих грызунов. Но все же ручеек, это не река, и время для того, чтобы попытаться спастись, у беглецов еще было. Некоторые из крыс пробовали вскарабкаться туда, где массивные деревянные ручки крепила толстая брезентовая лента, но срывались вниз, а за ними и по ним вверх рвались следующие, словно коллективный разум стаи подсказывал грызунам, что и как надо делать.

Но Сергей видел это уже краем глаза: они с Вадиком неслись к выходу с топотом, как перепуганные зайцы. Тусклый свет, сочащийся через приоткрытые входные двери, казался им ярким путеводным лучом. Но там спасения не было. От входа и из боковых коридоров, отсекая их от выхода, навстречу им уже катился серо-бурый поток красноглазых, визжащих монстров.

В этой части стаи особи были как на подбор – крупные, мускулистые, похожие на обросшие шерстью четвероногие цилиндры. Рядом с ними даже крыса-гигант с человеческой рукой в зубах, застреленная Вадимом несколько минут назад, смотрелась недомерком. В полумгле светились отраженным светом сотни глаз. Лапки стучали по бетону, и пол от этого стука начал гудеть на пределе слышимости.

Ухватив Вадима за пояс, Сергеев поменял траекторию движения, и они не взбежали – взлетели вверх по лестнице. Стреляные гильзы, рассыпанные повсюду, брызгали из-под ног и со звоном скакали вниз по ступеням, падая на бетонный пол вестибюля. Вадик успел не глядя метнуть гранату в надвигающуюся визжащую массу и, в тот момент, когда они выскочили на балкон второго этажа, зеленое металлическое яйцо рвануло в самой гуще наступающей крысиной армии.

Взрыв поднял к сводчатому потолку фойе гейзер из освежеванных тушек, крови и кусков мяса, но живой поток уже заполнил подножие лестницы и хлынул вверх по ней, на ходу поедая остатки разорванных соплеменников.

– К окну! – крикнул Вадим фальцетом, словно шар в кегельбане, запуская навстречу преследователям еще одну гранату с сорванной чекой.

Сергеев выхватил из кобуры снаряженный картечью обрез и выстрелил в преграждавшую им путь оконную раму с обоих стволов. Вихрь тяжелых свинцовых пуль вынес и деревянные части, и остатки стекол наружу, словно в окно угодил не «дуплет» из старой двустволки, а как минимум мортирное ядро. И тут с балкона им наперерез повалил новый крысиный сель, разом отрезая и от спасительного окна, и от боковой анфилады, рядом с поворотом в которую еще сохранилась табличка со стрелкой и надписью «Буфет».

На мгновение Сергеев и Вадим замерли. Вторая граната рванула на лестнице, сметая осколками ошметки горячей протоплазмы, и от сотрясения вниз полетел еще один фрагмент балюстрады. Внизу грохнуло, и осколки камня разлетелись шрапнелью. Закачалась под потолком массивная люстра...

Люстра!

– Прыгаем! – закричал Сергеев, уже начиная разбег.

Места, чтобы разогнаться и оттолкнуться, для прыжка было всего ничего – шага три-три с половиной. До массивного обода с псевдоподсвечниками, из которых давным-давно выкрутили все лампочки – около четырех метров. Вниз, до бетонного пола, укрытого копошащимся живым ковром – метров шесть.

Михаил взмыл в воздух, словно горный козел, перепрыгивающий ущелье, – перебирая ногами в полете, пытаясь оттолкнуться от пустоты. Он ударился о люстру грудью, зацепился локтями и подмышками за обод, умудрившись не выпустить из рук любимый обрез.

Люстра качнулась с большой амплитудой. Висящий за плечами автомат по инерции наподдал ему по почкам так, что в глазах потемнело. Сергеев успел боковым зрением уловить надвигающуюся на него тень, приготовился к неизбежному удару, но Вадик до цели не долетел.

Он уже было скользнул вниз, но изогнувшись, словно падающий кот, успел вцепиться в сергеевскую куртку – прочная ткань затрещала, но не порвалась. Захрустели от двойной нагрузки и сергеевские суставы: он отчаянно задрогал ногами, соскальзывая, сунул обрез между цепью, на которой держался обод люстры, и поперечной растяжкой – массивным медным прутом и остановил, казалось, неизбежное падение.

Люстра пошла вперед, словно огромный маятник, потом, замерев в высшей точке, качнулась в обратном направлении. Лишенный ремня «калашников» Вадима полетел вниз и даже не звякнул, угодив на спины мечущихся по полу фойе тварей.

Сергеев не застонал – закричал, чувствуя, как натягиваются в струну сухожилия. Вадик вскарабкался по нему, как обезьяна на пальму, и, освободив Михаила от своего веса, повис рядом на массивном ободе. Еще мгновение – и оба они уже не болтались между потолком и полом, а сидели на люстре, ухватившись за декоративные цепи, и с тревогой поглядывали то вниз, то на потолочное крепление, из-под которого начала просыпаться бетонная пыль.

Балкон, лестница, вестибюль внизу были напрочь заполнены живым ковром из крыс. Они копошились, взбирались друг на друга, задирали вверх оскаленные морды, становились на задние лапы, глядя на сбежавшую от них добычу с голодной яростью хищников.

– Ну, ты и прыгаешь... – прохрипел Вадим, задыхаясь.

Он был не потным – он был мокрым до нитки.

Пот крупными каплями катился по бледному, как известка, лицу. От насквозь мокрой шерстяной шапочки на голове шел пар. Радужки у него в глазах по-прежнему отсутствовали напрочь, и он глядел на напарника адреналиновыми колодцами расширенных до предела зрачков.

– В жизни такого полета не видел! Бэтмен, бля... Где тебя учили, Сергеев?!

– Были места, – пробормотал Михаил, чувствуя себя макакой, раскачивающейся на лиане, и не просто макакой, а смертельно напуганной, жалкой и дрожащей. Едва не обосравшейся.

Он мог представить себе достойную смерть от руки врага, от пули, от клинка, но стать крысиным обедом... Такая участь на героическую смерть в бою походила мало. Михаил представил себе, как крысы растаскивают по кусочкам их плоть, и почувствовал во рту вкус желчи. Желудок начал судорожно сокращаться. Черт бы побрал это воображение!

Рация в нагрудном кармане у Вадима уцелела и теперь шипела и бормотала, словно камлающий шаман.

Матвей и Молчун не могли не слышать канонаду выстрелов и взрывы – от кинотеатра до баррикады, за которой оставался «хувер» было метров пятьсот, не более.

– Ты б ответил, слышишь – Матвей орет, волнуется! – посоветовал Михаил, устраиваясь поудобнее. Раз уж придется сидеть под потолком, так нужно делать это с относительным комфортом – благо место позволяло, люстра была большая, старинная, в стиле пятидесятих годов прошлого века. И крепление...

Сергеев посмотрел на растяжки и на бронзовую чашку, размером с небольшой тазик, прикрывавшую рым-болт. Крепление вроде как надежное, хотя раскрошенный бетон продолжал высыпаться струйками...

– Отзовись, Вадюша, – повторил Сергеев, – не молчи, а то Мотл сейчас на штурм пойдет!

– Что? А? – Вадим недоуменно покрутил головой, соображая о чем, собственно, говорит напарник, потом нащупал за пазухой «уоки-токи» и вытащил его наружу.

– Михаил, Вадим ответьте... Что происходит? Кто стрелял? – неслось из хрипловатого динамика. – Ребята, ответьте!

Голос Матвея подрагивал от волнения.

– Ребята, что у вас? Отзовитесь!

Вадик молчал, недоуменно глядя на рацию. Он все еще выходил из ступора.

Сергеев вытащил передатчик из мокрых пальцев командос и, нажав клавишу дуплексной связи, произнес в микрофон:

– Да живы мы! Живы!

В динамиках щелкнуло и в следующую секунду «уоки-токи» задрожал от крика.

– Сергеев! – радостно заорал Мотл. – Что же ты, блядь такая, молчишь! Я ж тут уже не знаю, что думать! Сукин ты сын! Молчун на ограду полез, вас выручать! Что ж вы, мать вашу, языки пооткусывали? Что за пальба? Вы где?

– Не поверишь, – проговорил Сергеев, вытаскивая смятую сигарету из пачки. Пачка выглядела так, будто на ней долго и сосредоточенно топтались. – Сидим на люстре.

– Не тринди! – Мотл отозвался после небольшой паузы и в голосе его слышалось недоумение. – На какой люстре?

– На бронзовой. Или латунной. Какая, на хрен, разница? Здоровущая такая люстра. Тут есть кинотеатр, помнишь, где штабные помещения были?

– Ну? Бывал я там...

- Там в холле под потолком и сидим...

- Сергеев, не грузи! Шутки у тебя!

- Да, какое там... - невесело проговорил Михаил. - И рад бы - но не до шуток! До пола - метров шесть...

- И как вы туда попали? На крыльях? - осведомился Матвей. - В кого вы, вообще, стреляли, ребята? В кого бросали гранаты? Ни одного ответного выстрела я не слышал... Давай-ка, мы подойдем поближе...

- Никаких поближе! - жестко отрезал Сергеев. - Ты и не думай к нам приближаться! Тут вот какое дело...

Пока он излагал Мотлу и Молчуну суть произошедшего, сбрасывая сигаретный пепел на снующих внизу серо-коричневых бестий, Вадик постепенно пришел в себя. Взгляд у него стал осмысленный, пот на лице высох (или вымерз), зрачки сузились до нормальных, человеческих размеров. Только крупная дрожь пробивала его время от времени, и он горбился, сводил плечи и стыдливо опускал вниз глаза.

Сидеть под потолком на металлическом насесте было значительно холоднее, чем гарцевать по лестницам - Сергеев почувствовал, что начинает подмерзать.

А крысы и не думали уходить. Их даже стало больше и именно они, а никак не люди, ощущали себя хозяевами положения.

Это была их территория.

Еще несколько дней назад они прятались в развалинах, но когда после стрельбы и взрывов от людского жилья потянуло сладким запахом подгнивающей человечины, крысы пришли сюда. У них не было командира и плана действий - их вел инстинкт. Там, где пахнет мертвечиной, - есть еда. Они карабкались по камням, избегая грубо замаскированных «растяжек», притаившихся «лягушек» и самодельных мин: набитых тротилом и гвоздями банок из-под тушенки.

Выползали из подвалов, спускались по изломанным лестницам разрушенных зданий, выскальзывали из канализационных коллекторов.

И шли, шли, шли...

Накатываясь, словно волны прибоя на бывшую человеческую крепость, которую даже самые смелые из них благоразумно обходили стороной несколько дней назад, они входили в распахнутые, изрешеченные двери, вдыхали своими маленькими черными носами запах сгоревшего пороха, взрывчатки и тронутой тлением человеческой плоти. Они разбредались по все еще пахнущим живыми людьми домам, съедая все, что можно было съесть на своем пути.

Их были тысячи.

Они были голодны.

В них жила память крови, сообщавшая им о грандиозном пиршестве, которое пережили их предки двенадцать лет назад.

Это были благословенные дни. Дни, когда еды было больше, чем можно было съесть за год. Дни, когда, разорвав вздутый живот и мошонку зубами, можно было полакомиться лишь человеческой печенью и яичками, оставив тело подгнивать на солнце до нужной кондиции – когда мясо становится по-настоящему мягким и просто тает в зубах.

Дни, когда никуда не надо было спешить, и никто ни с кем не соперничал. Дни, когда люди наконец-то стали тем, чем они и должны были быть всегда – пищей.

Заняв человеческое поселение, крысы принялись осваиваться. Это место оказалось куда лучше, чем развалины. Мертвых тел в бывшем зрительном зале было вдоволь. В кладовых тоже хватало, чем поживиться...

А эти двое пришлых и пока еще живых... Помеха. Добыча. Сладкое кровавое мясо на розовых косточках...

Одна из крыс, не выдержав, бросилась на них с балкона, но прыгала она гораздо хуже Сергеева, и, не долетев до желанной цели, спикировала в толпу товаров,

метушащихся внизу.

Сергеев проводил глазами ее полет.

Раздался визг. Живое море серых спин заволновалось. Оглушенную ударом тварь рвали на части.

– Только пожар, другого выхода нет, – повторил он в микрофон передатчика. – Иначе они не уйдут.

– А вы? – спросил Матвей. – Вы успеете? Нам с Молчуном все зажечь не проблема. Вон, у КПП несколько стеклянных бутылок вижу. А бензина для такого дела и трех литров хватит! Полыхнет в самом лучшем виде! А вы-то дальше куда? Крыльев нет? Летать не умеете? Сколько метров, говоришь, до пола? Шесть?

– Решим по ходу. Только к дверям близко не подходите. Кинете бутылки – сразу обратно.

– Там хоть есть чему гореть?

– Есть, не волнуйся.

– У тебя, Миша, нервы железные, – резюмировал Мотл с уважением. – Не нервы – канаты. Не волнуйся! Спасибо, конечно, за совет! Да у меня до сих пор руки и ноги трясутся. И у Молчуна тоже.

Сергеев плохо представлял себе Молчуна с трясущимися руками. Впрочем, и Матвей на роль взволнованной институтки не подходил.

«Нервы – канаты!»

Он прислушался к сердцу, которое все еще прыгало в грудной клетке, как голодная ворона. Он не просто боялся. Он был смертельно напуган. Другое дело, что испуг всегда заставлял его сосредоточиться и действовать. Но он не мог перестать бояться. Правильно говорил Мангуст: тот, кто не боится смерти – не герой, а идиот.

– Ладно. Ждите. Мы скоро, – проскрипел голос Мотла в динамике.

Но «скоро» – не получилось.

Прошло, как минимум, минут сорок, и они с Вадимом замерзли, как пингвины на ветру. Сидеть на люстре ещё можно, а вот двигаться – уже никак. Затекшие конечности деревенели от холода, но стоило попытаться сменить положение, как железная конструкция начинала раскачиваться, скрипеть, из-под крепежа летел раскрошенный бетон, а крысы, ожидающие сбежавший обед внизу, шипели и лезли друг другу на спины.

Внезапно, в отдалении рвануло так, что с потолка полетела мокрая известковая крошка. Казалось, что задрожали стены.

– Ни фиги ж себе! – выдохнул Вадик, судорожно хватаясь за растяжки светильников. – Что это они там удумали?...

– Молчун, – догадался Сергеев, и перенес центр тяжести на левую сторону, стараясь не съехать ногой с удобного упора. – Засранец. Баррикаду рванул, как пить дать. Додумался. Ему б танковым батальоном командовать!

По стенам заколотили осколки и мусор. Вынеся напрочь одну из рам, внутрь залы влетел здоровенный кусок трубы и, вращаясь, как бита, прошуршал в каком-то десятке метров от люстры, чтобы воткнуться в стену на половину своей длины. Обломки разбитой в щепу рамы разлетелись по помещению, как пули, рая крыс, скучившихся на верхней площадке лестницы.

По стене зазмеилась трещина. Со скрипом провисли, перекосившись на петлях, высокие двери.

Сергеев с Вадимом молча переглянулись.

За стенами раздался рев тяговых винтов. Серое море внизу заволновалось, зазвенело стекло и по полу плеснуло жидким огнем – первая бутылка с бензином благополучно влетела в фойе, разбившись вдребезги об оконный проем. Вторая, влетевшая следом, не разбилась, упав на крысиные спины, а запрыгала по ним – тряпка, торчащая из горлышка, коптила и разбрасывала искры.

Действуя скорее рефлекторно, чем осознанно, Сергеев рванул обрез из кобуры свободной рукой и выстрелил, целясь в красноватый отблеск горячей ткани. Выстрел получился оглушительным и удачным. От попадания, внизу, в самой гуще голодных, испуганных тварей расцвел огненный цветок – бензин расплескало на несколько метров в диаметре. В холодном воздухе повис омерзительный запах паленой шерсти. Истошный визг, вырвавшийся из нескольких сотен крысиных глоток одновременно, резал уши. Он был невыносим и заставлял ежиться – словно кто-то водил куском пенопласта по стеклу.

За стенами снова взревели моторы – похоже, «хувер» разворачивался. Еще две бутылки с бензином влетели в фойе и на этот раз обе разлетелись на куски, заливая мечущихся в панике животных потоками жидкого огня.

Сергеев, который редко впадал в азарт, таки не удержался и выпалил из второго ствола по крысам, копошащимся в нескольких метрах от них, на балконе. Картечь проделала в живой массе кровавую просеку – куски разорванных на части тушек посыпались вниз, на густо пересыпанную пылающими телами стаю.

Все, что могло загореться внизу – уже начало гореть. Фойе заполнилось едким, как иприт, дымом, языки пламени лизали колонны, и следующие огненные снаряды, пущенные снаружи, только добавили жару.

Крысы начали искать спасения от пламени и дыма, выскакивая наружу, отступая в боковые коридоры, до которых огонь только начал добираться. За стенами здания по бегущим в панике тварям ударили с двух стволов. Из входной двери полетела щепка, по залу защелкали рикошеты.

– Вниз! – крикнул Михаил, интуитивно определив, что нужный момент – вот он! – настал.

Он повис на руках на ободке люстры, краем глаза уловив, что Вадик в точности повторяет его маневр, качнулся, ориентируя тело в пространстве: шесть минус два – получается четыре метра, и, разжав пальцы, полетел вниз, напрягая ноги перед касанием пола.

Он едва не вывернул себе лодыжку: под правую ногу ему таки попал бегущий зверек. Почти сто килограммов веса Сергеева, летевшего с приличной высоты вместе с амуницией, превратили крысу – благо она была не крупная – в кашу.

Под каблуком чавкнуло – в стороны полетели выдавленные внутренности. Сергеев заматерился, замахал руками, удерживая равновесие, и уже почти упал, когда Вадик, рванув его за воротник, помог выпрямиться.

Спустя секунду они уже летели к входным дверям, прыгая через особо крупных тварей. Еще вчера Михаил и не подозревал, что крысы могут дорастать до таких размеров.

Сергеев, успевший перед прыжком вниз перезарядить обрез, отдал автомат обезоруженному командос, и тот, то орудую прикладом, то стреляя одиночными, прокладывал им дорогу в крысином потоке.

Если бы не паника, вызванная огнем, они никогда не дошли бы до дверей!

Крысы не понимали куда бежать, но прекрасно понимали, кто враг. И кто пахнет, как еда.

Вадик соображал быстро и двигался от одного пылающего бензинового пятна к другому, стараясь идти сквозь огонь. Но это не помешало нескольким особенно смелым крысам попытаться взобраться наверх, по телам беглецов, по тлеющей одежде, туда, где под тонкой кожей на горле бились незащищенные ничем жилы.

Огромная, как раскормленный персидский кот, крыса, еще и дымящаяся, словно припаленный боров, бросилась Михаилу навстречу, метя вцепиться в кадык. Сергеев едва успел потянуть за спусковой крючок – при этом надо было исхитриться не попасть в спину маячившего впереди Вадика.

Картечь буквально разнесла зверя на части, превратив мускулистое торпедообразное тело в куски кровавого фарша. Краем глаза Михаил успел засечь движение за своим левым плечом и, полагаясь на рефлекс, не думая, выстрелил из-под руки, с полуоборота, продолжая стремительное движение к выходу.

У летевшей на него крысы заряд картечи оторвал полтуловища вместе с задними ногами, и кургузый обрубок отбросило в сторону.

Грязные, задыхающиеся, забрызганные быстрогустеющей крысиной кровью, они вылетели наружу, на свежий воздух, неожиданно остро пахнувший снегом, гарью и бензином. Прямо перед ними, вздымая белые вихри воющими винтами, висел «хувер». На «юбке» судна стоял Молчун, из дверцы высовывался Матвей – оба с автоматами и, кажется, насмерть перепуганные.

Завидев Вадика и Сергеева, Мотл метнулся внутрь судна, к рычагам, а Молчун, изобразив улыбку, от которой у Михаила задвигалась кожа на затылке, метнул через их головы связку гранат, потом, пока они добежали до борта, еще одну бутылку с бензином и круглое зеленое яйцо РГД.

Огненный столб взметнулся вверх, перекрывая выход, за ним, прямо в гуще рвущихся из здания крыс, рванула граната и, через несколько секунд, еще одна. То ли Молчун не рассчитал, то ли дверные петли проржавели и ослабли, но сорванная взрывами дверь проплыла над головами беглецов, смахнув их на снег воздушной волной, как лист бумаги со стола.

Молчун едва успел рухнуть ниц, как дверное полотно пронеслось там, где он был мгновение назад, лупануло в заднюю часть кабины «хувера» так, что прогнулся трехмиллиметровый металл, и запрыгало по площади.

Остатки крысиных тушек выпали на «хувер» алым дождем, разом окрасив снег вокруг в розово-красные тона.

Сергеев запрыгнул на «юбку» первым, успел подать Вадика руку, и в тот же момент «хувер» начал боком скользить прочь от здания кинотеатра. Молчун, метко, по-снайперски, бил одиночными особенно настырных грызунов. В боковом скольжении они пересекли площадь, Матвей, сидевший за рычагами, неловко развернул судно, но, хоть и ударившись о стену, все-таки протиснул «хувер» в проем, сделанный в баррикаде взрывом.

Выскочив из Бутылочного Горла, Мотл бросил машину вправо, как раз туда, куда ехать было нельзя – там был затяжной спуск к оврагам, и этот относительно пологий склон колонисты заминировали давно и тщательно.

Машину швырнуло. Раз, другой, третий...

Сергеев, прилипший к холодному, как смерть, металлу кабины, отчаянно застучал по ней ладонью. Матвей, очевидно, сообразил, что едет не туда, и «хувер», проскочив по краю отвала из битого кирпича и прочего мусора, опять скатился влево, на остатки шоссе. Снежное облако вилось за ними, винты взбивали воздух в пену.

– Стой! – закричал Сергеев и снова заколотил по кабине, не чувствуя боли в окоченевшей руке. – Стой! Хватит!

Обороты тягового винта упали, запели тоном ниже нагнетающие моторы, «хуверкрафт» присел на расплзшуюся «юбку», словно толстуха в неуклюжем книксене, вильнул корпусом и остановился.

Михаил вскочил, закрутил головой и, спрыгнув с корпуса судна, пробежал несколько шагов назад.

– Молчун! – закричал он отчаянно, и эхо забило между полуобрушенными стенами, между трупами домов и пустыми оболочками магазинов. – Молчун! Где ты?!

Молчуна не было.

Сергеев был уверен, что тот был на «юбке», когда они проскочили взорванную баррикаду. Он потерял парня из виду в тот момент, когда их мотыляло по гребню над минным полем, и не видел потом, пока они скатились на шоссе. Три минуты? Три с половиной?

Он метнулся обратно к «хуверу» и нос к носу столкнулся с лезущим наружу Мотлом.

– Молчун? – спросил Сергеев сдавленным голосом. – Где Молчун?

– Как где? – удивился Матвей. – Он же с тобой? Снаружи?

Вадик обежал судно с другой стороны и, взобравшись на кучу строительного мусора, замер у развороченной стены, оглядывая окрестности.

В ответ на взгляд Сергеева он только покачал головой.

Матвей, тяжело дыша, прыгнул на снег, и корка, хрустнув, просела под его ногами.

- Когда он слетел?

- Заводи, - проскрипел Сергеев, чувствуя, что тяжелая черная злоба переполняет его.

Молчун. Друг. Сын, которого никогда не было. Самый близкий человек.

- Перестань даже думать об этом! - сказал Матвей резко и полез обратно в кабину.

Вадим спустился вниз, то и дело оскальзываясь на крутом склоне.

- Я - справа! Ты - слева! - скомандовал Михаил, и они трусцой побежали назад, по собственным следам.

За ними, словно огромный паук, пополз гудящий винтами «хуверкрафт».

Над зданиями в конце квартала в промерзший воздух поднимался черный дым разгоравшегося пожара.

- Только не оставь меня! - повторял Сергеев про себя снова и снова, как заклинание. Он тяжело дышал, и воздух, вырывающийся из его легких при беге, выпадал белым инеем на воротнике куртки. - Я прошу тебя, мальчик мой, я очень тебя прошу - только не оставь меня одного!

С реки дуло и по склонам побежали языки поземки. Ветер засвистел в развалинах, завыл на чердаках. В серой полумгле, заполнившей горизонт, клубилась надвигающаяся с востока вьюга.

Михаил остановился и попытался восстановить дыхание, но от этого только мучительно всхлипнул и зажмурился изо всех сил, так, что перед глазами запрыгали цветные звездочки.

Они стояли на открытом всем ветрам перекрестке: двое вооруженных людей и массивная машина. Город был пуст или хотел казаться таким. В городе пахло смертью и пожаром. Поземка облизывала кучи битого кирпича и с разбегу влетала в выбитые двери домов.

Молчуна не было. Все это выглядело так, будто его не было никогда. Но Сергеев знал, что все оставляют следы. Только бы Молчун был жив! Только бы был жив!

– Молчун!!! – закричал Михаил, что было сил. – Молчун!!!

Крик Сергеева перекрыл рев тяговых винтов «хуверкрафта» и, отразившись от стен заброшенных домов, упал в снег и замер. Ответа не было.

– Молчун... – позвал Сергеев еще раз, но уже тихо, хриплым, надсаженным голосом, в котором не было надежды.

Слеза, скатившаяся по его щеке, была горяча, как лава. Она прочертила след по закопченной щетине, лизнула скулу и канула в горловину свитера, пропахшего потом и гарью, не успев замерзнуть.

Ее никто не видел.

Глава 2

– Ты не дашь этому хода! – уверенно сказал Мангуст. – Тебе все равно никто не поверит! Это во-первых. А во-вторых – я этого не допущу.

Он намеренно сел подальше от лампы, скрывая лицо в тени. Сел в любимое Викино кресло, обтянутое потертой кофейной кожей, глубокое и уютное. В кресло, которое иногда служило им любовным гнездышком.

Плотникова полусидела-полулежала в нем, пристроившись поперек – ноги на одном подлокотнике, спина оперта на другой, в коротком халатике или домашних джинсах и футболке, с ноутбуком на круглых коленках...

Плотный абажур рассеивал и без того неярко свет, придавая всему вокруг теплый желтоватый оттенок. Но даже если бы в комнате царил полный мрак, Сергеев узнал бы своего куратора сразу. По силуэту, по запаху, по первым же звукам голоса, который почти не изменился за те несколько лет, что Мангуст был мертв.

– Выпьешь? – спросил Михаил, пересекая гостиную. Тирада Мангуста при этом осталась безответной. – Грешно не выпить за встречу! Тем более когда впервые в жизни говоришь с официальным покойником...

Мангуст хмыкнул, и Михаил, стоящий к нему спиной, отчетливо представил себе ироничную гримасу на его лице.

– Ром? Текила? Виски? Или просто водка? – он открыл бар и достал оттуда пару толстостенных стаканов.

Звякнуло стекло.

– Водки, – сказал Мангуст. – Тоник есть?

– Найдем, – отозвался Сергеев, оборачиваясь. – Лед и лимон? Я правильно помню?

Мангуст ничего не ответил, только на мгновение подался вперед, и Сергеев рассмотрел тонкогубый, искривленный в саркастичной усмешке рот, глаз с припухшим веком, возле которого гнездились глубокие морщины, седой висок и гладкую, как бильярдный шар, часть лысины надо лбом. Спустя мгновение Мангуст опять скрылся в тени.

– А ты постарел, – констатировал Михаил с легким злорадством. – Где ты был все эти годы?

– Странствовал...

Голос у куратора стал чуть ниже того, что помнил Сергеев. В нем появилось дребезжание, но не старческое, делающее речь жалкой и дрожащей, а этакий басовый грохоток, густой рокот в районе субконтроктавы.

- Ты же знаешь мою страсть к путешествиям...

Он щелкнул зажигалкой – всегда «зиппо», стальная, в коже, без рисунков и инкрустаций, – пламя опять выхватило из темноты его птичий профиль, и Сергееву подумалось, что с возрастом Мангуст все более походит на киношного Мефистофеля из времен Великого Немого. Или даже не так – на актера, играющего Мефистофеля на провинциальной сцене вот уже двадцать лет подряд, безмерно уставшего от постылой роли, но срощегося с ней всей кожей.

К аромату гвоздичных Викиных сигарет добавился крепкий запах черного турецкого табака. В мягком персиковом свете настольной лампы за клубился непроницаемый сизый дым.

- А ты не рад меня видеть! – утвердительно произнес Мангуст. – Обидно. Умка, я-то хорошо помню, что когда я устроил цирк на кубинском побережье, ты был по-настоящему счастлив моему приезду!

- Я и оплакивал тебя искренне. – Сергеев бросил в стаканы лед, плеснул водки и добавил «швепса», от которого жидкость весело вскипела. – Знаешь, Мангуст, я только тебя и родителей так оплакивал. Только родители погибли далеко от меня, и я никогда не винил себя в их гибели... А вот в твоей смерти я себя винил.

Мангуст принял стакан из его рук, не выглянув из тени, и Михаил не увидел его выражения лица. Хотя очень хотел.

- Зря. Ни в чем ты не был виноват.

- Теперь вижу. Мне надо было догадаться. Я ведь помню твои первые похороны.

- Тогда все было иначе.

- Ну да... – согласился Сергеев и невесело усмехнулся. – Действительно. Там ты пропал без вести. Никто не видел, как тебя убили. И убили ли? На скелете, который мы нашли спустя две недели, были твои часы. Но сам понимаешь – это ни о чем не говорило. А взять фрагмент на ДНК никто не сообразил. Нас этому не учили тогда... Наверное, кому-то в Москве было выгодно, чтобы тебя считали покойником?

– Что поделаешь? Мы люди без документов. И так удобно для дела иногда побыть мертвым! Надо сказать, Мишенька, я был очень деятельным покойником. Просто чрезвычайно деятельным! Ну, за встречу, Умка!

Сергеев молча отсалютовал куратору стаканом.

– Мне казалось, – пророкотал Мангуст сделав большой глоток, – что я вправе рассчитывать на более теплый прием...

– Тебе казалось. Что ты сказал Вике?

– Ничего нового для тебя. Только правду и то далеко не всю. Ты зря держал ее в неведении. Кстати, отдаю должное твоему вкусу. Красивая женщина. У вас в отношениях сложности?

– У нас всегда сложности.

– Так случается, – согласился Мангуст, – особенно когда выбираешь себе умную женщину. Я, например, всегда старался иметь дело с барышнями поглупее. Но случались проколы...

– Тогда ты можешь представить себе, что может случиться, когда женщину не выбираешь.

– Это плохо, – сказал Мангуст и повторил, снова отхлебнув из стакана, – это очень плохо. Когда не выбираешь, это может оказаться твоя женщина. В нашей профессии, курсант, нельзя привязываться к человеку. То, что можно навредить ей – полбеды. Можно навредить себе.

– Я думал, что сменил профессию.

– Ошибочка, Умка. Нашу профессию не меняют. Помнишь, я говорил вам, что из школы есть один путь – на погост?

Они помолчали, словно оба вспоминали выжженную крымскую землю и запах степного ветра, пахнущего горьковатыми травами и пылью...

Школа.

Контора.

Империя.

Погост.

Земля была мокрая и тяжелая. Рыть пришлось обломком доски, гниловатое дерево крошилось в руках. Струи тропического дождя были толщиной с палец. Вода рушилась с неба со звуком водопада, русло безымянной реки наполнялось рыжими ручьями. Красная африканская почва с жадностью впитывала в себя влагу и превращалась в жидкую глиняную грязь.

Сергеев копал могилу, понимая, что не успеет похоронить ни Салатика, ни Битюга, а уж тем более трех мертвых африканцев из группы прикрытия. Рядом с ним двумя руками греб рыжую жижу Остап. Из глубокой царапины, проделанной пулей на его щеке, сочилась кровь, и казалось, что он плачет над трупами друзей сюрреалистическими розовыми слезами. А Цыпа дергал головой после контузии и все пытался посмотреть сквозь дождь в прицел своей «снайперки»...

Метрах в двухстах от них догорала деревня. Огонь, бушевавший еще десять минут назад, превратился в белесый дым, да и тот дождь уже прибывал к земле, но развалины пока еще продолжали дымить. Дымили и два сомалийских грузовика, эфиопский БТР и полтора десятка трупов, разбросанных по главной деревенской площади. Дымили остатки кораля, сгоревшего вместе с животными. Дымили искореженные обломки их джипа – короля Африки «лендровера», с установленным в кузове длинноствольным пулеметом. В нем выпускал тонкие сероватые струйки обугленный труп водителя. Между ними и деревней лежало деревенское кладбище. Причудливое, как обиталище зомби из компьютерной игры. Кривые надгробия из кусков камня, покосившиеся кресты (неужели здесь хоронили христиан?), просто камни, сложенные поверх ямы «гробничкой». Могил было несколько сотен, но некоторые из них практически ничем не выделялись из окружающего пейзажа. Африка скрывала своих мертвых в собственном чреве.

Погост.

Империя.

Школа.

– Что ты ей рассказал? – переспросил Сергеев, хотя это теперь не имело никакого значения.

Шаги Плотниковой уже провалились в колодец старого подъезда, опутанный лестницами и коваными решетками перил, и замерли в опустевшем дворе.

Ее «фольксваген» мигнул стоп-огнями, спускаясь с бордюра, качнулся на пружинах подвески, как морячок, ступивший на твердую землю, и, зажужжав мотором, скрылся из виду.

«Вот и все. У тебя больше нет тайн, Сергеев. Эта была последней».

И еще...

Этот человек, сидящий в их квартире, из которой никогда не выветрится запах гвоздики и духов «Опиум». Самый близкий враг, пришелец из прошлого, покойный коллега, друг и спаситель.

Учитель.

Или если применить правильное, рычащее и бездушное словечко – куратор.

– Что я ей рассказал? – повторил Мангуст. – Я рассказал ей то, что ты сам никогда не рассказывал. О тебе. О твоей семье. О твоей работе. О ее специфике. Увлекательный рассказ получился! Ты ведь у нас личность неординарная. Убивец с душой и принципами. Редкая разновидность – искренне плачущий крокодил. Тебе, глупому, надо бы самому такое женщинам преподносить – отбоя не будет. Барышни – они на пороки падки. Девочки любят плохих мальчиков, поверь опыту! Зачем ты от своей пассивности скрывался – вещь необъяснимая есть! Впрочем, могу сделать Виктории Андроновне комплимент – о многом она таки догадывалась. Да и ты, Умка, если не кривить душой, маскировался на редкость бездарно. Лез из тебя Рембо во все стороны – мне, как твоему преподавателю, – просто любо-дорого смотреть! Сплошные закрепленные рефлексy. Все-таки старая школа – великая вещь! Нынче так не учат. И некому, да и некого!

– А ты все это время следил за мной? Невидимый и великий!?

Мангуст фыркнул. Фыркнул так же, как делал это много лет назад, когда кто-нибудь из курсантов говорил явную глупость.

– Вот еще! Считаешь, что у меня других забот не было? У меня, Сергеев, работы – хоть завались! Мир, знаешь ли, постоянно нуждается в том, чтобы его спасали и чуть-чуть направляли в нужную сторону...

– Добрым советом?

Смех у куратора был неприятный, ухающий. Так могли бы смеяться уэллсовские марсиане или сытые упыри из готических романов.

Сергеев силился вспомнить, вызывал ли у него Мангуст такое дискомфортное чувство при общении в прошлом, или оно появилось только сегодня, – и вспомнить не мог. Ощущение было настолько сильным, неприятным и – до странности – привычным, что, казалось, оно существовало долгие годы.

– Это уж как получится... Когда добрым, а когда и не добрым! – протянул Мангуст, отсмеявшись. – И что считать добрым советом, господин советник? Тонкая это материя, что есть «доброта»! Но ход твоей мысли мне нравится! А то, что вели тебя практически постоянно – так ты и сам об этом знаешь. Скажу тебе больше – всех вас ведут. Мало вас слишком, чтобы полагаться на случай и бросить все на самотек. Вы изделия штучные!

– И тебя тоже ведут?

В ответ на этот вопрос Мангуст уже не засмеялся, а просто вынырнул из тени, сверкнув залысинами и белками глаз.

– Меня вести сложно. Вот он – я есть!

Тут он подался обратно в сумрак.

– А вот – меня нету! Я сам по себе...

– Думаешь? – осведомился Сергеев насмешливо. – Ну да... Ты же особенный! Ты настолько крут, что ловишь пули зубами, а плаваешь в горячей смоле! Одинокий волк, за которым не уследить! И тебя ко мне никто не присылал? Ты приехал сам по себе, пришел сам и приказываешь мне заткнуться? Ты же не участвовал в операции с контейнерами? Я и сам попал тогда в эту херовую историю, как кур в ошип! Если ты сам, то откуда ты вообще об этом знаешь? А если знаешь, то какое тебе дело до того, что и кому я могу сказать? Но ты приехал заткнуть мне глотку! Странная инициатива, не так ли, Мангуст? Ты у нас, оказывается, действительно инициативный и осведомленный покойник!?

Сергеев услышал, как звякает лед в стакане. Мангуст пил. Потом куратор затянулся сигаретой – в тени напротив вспыхнул алый огонек, – и выпустил на свет очередное облако дыма.

– Ну почему же странная? – спросил он с ехидцей. – Не нахожу ничего необычного. Ты прав только в том, что инициатива не моя. Что тут скрывать? Есть мнение, что слив определенной информации, может навредить неким политическим силам в твоей стране. А мы в победе этих сил, что поделаешь, заинтересованы...

– Мы – это Контора?

– Да чуть посложнее получается, Умка. Мы – это Россия.

Теперь уже рассмеялся Сергеев.

Правда аккуратно рассмеялся, весьма сдержанно. Обижать Мангуста, а тот был мнителен, как девица на выданье, было занятием небезопасным. Доводилось видеть, что такое обиженный Мангуст.

– Андрей Алексеевич...

Последний раз он называл Мангуста по имени-отчеству без малого двадцать шесть лет назад, еще до того, как им раздали кодовые имена. Буквально первые несколько дней пребывания в школе.

Обычное человеческое имя Мангусту не подходило. Был он именно Мангуст – стремительный, как молния, бесстрашный, как безумец... Но никакого безумия там и близко не было, был только жестокий, математический расчет...

Мангуст – убийца кобр, а никакой не Андрей Алексеевич. Да и было ли это имя настоящим – тоже вопрос. Что, вообще, настоящего было в этом человеке, кроме тяжелого и холодного, как северный ветер, взгляда темных, безжалостных глаз?

– Андрей Алексеевич! А что, Контора и Россия – теперь одно и то же?

Теперь рассмеялся Мангуст, и Сергееву показалось, что вполне искренне. Так посмеиваются над глуповатым ребенком, доставшим взрослых своими вопросами.

– Вполне возможно, что одно и то же. Ответь себе сам. Зная твою любовь к обобщениям, Умка, – я не буду спорить. Уметь обобщать – хорошее качество для аналитика. Вот только выводы из обобщений у тебя не всегда верны. Контора, она знаешь ли, служила Империи в прошлом, служит и сегодня. Только называлась она по-разному в разные времена. И все! А принцип... Принцип был и остается один: то, что хорошо для Империи... Ну, а дальше ты знаешь. Мы же никогда не стеснялись переходить границы, да, Миша? И в прямом, и в переносном смысле...

– И ты, старый, опытный служака, мастер интриги, всерьез считаешь, что здесь, в Украине, можно кого-то свалить компроматом? – спросил Сергеев, не в силах сдержать кривую улыбку. – Ты приехал сюда, в Киев, вынырнул из небытия, восстал из мертвых только для того, чтобы сказать мне: «Не тронь Блинова!»?

Мангуст, ты же не наивный человек! Спроси у своих аналитиков, в конце концов, если сам нюх потерял! Да если бы я по главному телеканалу страны показал, как Блинчик насилует малолетних и парнокопытных – это ни к чему б не привело!

– Вот и я о том же! – согласился Мангуст неожиданно легко. – Если это ничего не меняет: промолчи. Тебя по-хорошему просят твои же коллеги. Речь идет не о Блинове – можешь отрезать ему яйца прилюдно, на вашем Майдане, никто из нас и пальцем не пошевелит. Он барыга, не более того. А барыга, хоть и с депутатским значком, для нас – тьфу! – расходный материал. Гондон – и по сути, и по форме. Что с него взять? Использовал, снял, завязал узлом – и на помойку!

Но все не так просто, Умка! От него тянутся ниточки к совершенно другим людям. К людям, в незаметности и благополучии которых, мы, как страна, крайне заинтересованы. Это богатые, умные люди, для них такие, как Блинов, – просто инструмент. Для деятелей уровня твоего Блинчика важны власть и бабки, а для настоящих влиятельных людей даже геополитика всего лишь инструмент. Все остальное – даже не мелочь! – он прищелкнул пальцами. – Так, фикция! Ничто! На том уровне нет ни национальностей, ни гражданства. Ничего нет. Там решают проблемы планетарного масштаба, понимаешь?

– Нет. Не понимаю. Сделай любезность, объясни...

– А... – протянул Мангуст. – Думаешь, что у меня паранойя? Теория заговора? Ох, как же мы ироничны! Ну, ничего, ничего... Это все от недостатка информации! Не волнуйся, Умка, я не сбрендил от собственной значимости. Но и к сирым и убогим, неспособным видеть дальше собственного носа, себя не отношу! А, может, стоит нам задуматься о том, сколько будет стоить газ и нефть в ближайшие десятилетия и каким путем, через кого и куда они пойдут? Почему за столько лет никто не построил трубу с Аравийского полуострова в Европу, до которой, кстати, два шага, но зато качают газ с Уренгоя, находящегося в тысячах километров на восток?

Кто решает какой стране быть нищей, а какой подниматься в табелях о рангах на невысказанные высоты при совершенно равных возможностях и ресурсах? Или мы просто доверчиво полагаем, что все на свете происходит спонтанно? Бред! Просто микробу нельзя объяснить что такое тайфун. Нельзя и все. Слишком велика разница в размере между объектом и явлением. Вот ты, Умка, и можешь поучаствовать в решении геополитического вопроса, но на своем, микробном уровне, если не будешь упрямым дураком! Ты же хочешь, чтобы твоя новая родина дружила с твоей старой родиной? С той, которой ты отдал столько сил и лучшие молодые годы своей такой еще короткой жизни? Правда?

Он подмигнул задорно.

– Налей-ка мне еще, дружище, если тебя не затруднит...

– На микробном уровне? Ну, ну... Скажу с точки зрения микроба, которым вдруг заинтересовались ужасно большие дяди, рулящие тайфунами! Я не понимаю почему ко мне пришли именно сейчас. Плутоний лежит на дне морском шесть

лет, с лета 99-го, и вы только сейчас им озаботились? Странно. Я-то, наивный микроорганизм, думал, что только мне и было до этого дело! Значит, остались какие-то следы, ведущие к вам или вашим друзьям? В противном случае вы бы не суетились...

Он снова бросил в стаканы лед и щедро плеснул водки поверх сверкающих кубиков.

– С другой стороны, причины вашего беспокойства для меня непонятны. Ну, кого, Мангуст, кого сейчас можно взбудоражить рассказом, что украинские политики, они же бизнесмены олигархического толка, шесть лет назад пытались продать арабам партию оружейного плутония? Новость тухлая. Совсем. Титаренко с Блиновым ее и опровергать не станут – даже в суд на журналистов не подадут. Покрутят пальцем у виска – пусть клеветают – и все.

– Да что ты себе голову ломаешь, Умка? Геополитика – дело тонкое, не с нашими волосатыми лапами в нем ковыряться. Меня попросили повлиять, я, вот, влиять и пытаюсь. А ты чего упираешься? Любопытствуешь? – спросил Мангуст скучающим тоном, принимая стакан с напитком. – Оно тебе надо? Просто выполни... И забудем об этом. Одни старые друзья попросили других старых друзей, они попросили меня, я тебя... Раз – и все довольны! Просьба-то завалящая, сущий пустячок...

– Вот я и пытаюсь разобраться, о чем меня в действительности просят...

– Хорошо, – сказал Мангуст с издевкой. – Разбирайся. Только молча разбирайся, пожалуйста. Не на людях. Осталось-то помолчать – всего ничего. Чуть больше года – и все решится само собой... Я же не прошу тебя кому-то служить! Я по большому счету прошу тебя просто бездействовать! И буду за это чрезвычайно благодарен. А еще лучше, от греха подальше – отдай мне видео. А после этого можешь рассказывать всем и все, что угодно...

– Я подумаю, – произнес Сергеев, не отводя взгляда.

«Откуда известно про видео? – подумал он, стараясь скрыть растерянность. – Нет ни кассеты, которую кто-то мог бы посмотреть, ни живых свидетелей. Есть файл, зашифрованный, закрытый, как спецхран КГБ, лежащий по частям на десятке разных серверов в Интернете. Файл, доступ к которому имею только я.

Тогда я еще по наивности думал, что откровения Базилевича взорвут политикум. Но это было еще до Мельниченко и его архива. Майор нас всех многому научил. Например тому, что в XXI веке никто не стреляется от бесчестья. Других стреляют, это да, случается. И еще тому, что в век научно-технического прогресса не существует очевидных доказательств. Наивно думать, что кто-то подаст в отставку из-за записей многолетней давности. Разве это факт? Вовсе даже нет! Монтаж. Клевета. Происки спецслужб. М-да...

Что же стало известно Конторе? Что такого важного сказал тогда Базилевич, чтобы лично Мангуст приехал меня образумить? И откуда это стало известно? Почему только образумить, а не убить, в общем-то, понятно... Он же знает, что я не мальчик, и в случае моей смерти информация выплеснется наружу».

– Ты сейчас размышляешь о том, что такого содержится в записи... – констатировал Мангуст. – И долго будешь думать, уж поверь! Может быть, есть путь попроще?

– Какой? – поинтересовался Сергеев.

– Спросить меня! Просто по-дружески спросить: Мангуст, а зачем вам эта запись?

– Для начала у меня есть другой вопрос... Мангуст, а откуда вам известно об этой записи?

– Ты всегда был очень доверчив, Умка. Как твой куратор и педагог, скажу – это твой главный недостаток. Ничего не слышат только трупы...

– Аль-Фахри? – скорее ответил, чем спросил Сергеев. – Но он же тогда был полуживым!

– Тут ты прав. Передать содержание записи он не мог, но сам факт ее создания наблюдал. После того, что ты с ним учинил, изображать бесчувственное тело для него труда не составляло. Как ты думаешь, при таком свидетеле мы могли догадаться, что именно слил тебе Базилевич? Мы, люди заинтересованные и очень проницательные. Обрати внимание, сколько лет мы тебя не трогали, хотя, сам понимаешь, ты тогда нам сделал большую пакость...

– Знаешь, Мангуст, – парировал Сергеев, – я иногда ловлю себя на мысли, что если где-то в мире и происходит какая-то пакость, то оттуда торчат именно ваши уши...

– Наши уши... – возразил Мангуст и ткнул в Михаила указующим перстом. Его кисть появилась из полумрака, а все остальное так и осталось невидимым. – Не дистанцируйся, курсант! Наши уши! Не ваши, а наши! Наши! Общие! Понял? Могу тебя заверить – это не у меня, это у тебя паранойя! Ты болен, Умка, если думаешь, что все неприятности в мире только от нас... Хватает и других умельцев. Ну, сам реши, может ли быть в мире только одна сила? А система противовесов?

– Вы контролировали эту ситуацию еще до того, как послали в Лондон меня, ведь так?

Мангуст не ответил. Но в темноте белой полоской сверкнули его зубы.

Волк улыбался.

– Умка, мальчик мой! – сказал он настойчиво. – Неужели ты не понимаешь, что со своим чистоплюйством и высокой моралью ты просто-напросто мешаешься под ногами у взрослых дядь... Не мешаешь, обрати внимание! Мешаешься! А это разные вещи...

– А ты – доверенное лицо тех самых взрослых дядь, меня наставляешь на путь истинный... Скромное, такое, доверенное лицо, которому вручили важнейшие управляющие нити! Судьба мирового порядка в твоих натруженных руках, Андрей Алексеевич! Тайфуны трепещут! Иногда, Мангуст, ты напоминаешь мне сумасшедшего шахматиста, – произнес Сергеев, разглядывая силуэт собеседника, окруженный завесой дыма. – Сумасшедшего шахматиста, который играет бесконечную партию на доске для стоклеточных шашек по каким-то собственным, придуманным правилам. Ты так обстоятельно, с таким рвением изображаешь кукловода, что возникает мысль... Знаешь, такая дерзкая, абсурдная мысль, а не обманываешь ли ты всех в очередной раз? Как с твоими похоронами? А вдруг и за тобой стоит кто-то, кто тоже воображает себя кукловодом? А за ним – еще один такой же. И еще. И еще... Вот только – кто настоящий кукловод в этой цепи марионеток?

– Неужели? Тебе так интересно – стоит или не стоит за мной кто-нибудь? А есть ли разница? – осведомился Мангуст. – Мне делегировали права. Для тебя, пешки, есть ли хоть какая-то разница, кто и зачем это сделал? Ты ведь даже не проходная пешка, Миша, а так – разменная фигура. Везучая, правда, фигура, не спорю, с доски тебя до сих пор не убрали, но и ферзем тебе никогда не стать!

– А надо ли лезть в ферзи, Мангуст?

– А это, Умка, уже твой личный выбор. Пешек много. Остальных – по паре. А король с королевой – одни.

– Лелеешь надежду стать королем?

– Увы! – Мангуст снова «заухал» по-марсиански, изображая смех. – Место императора давно занято и так высоко мне не взлететь. Но на роль ладьи я вполне могу рассчитывать...

– А сейчас ты кто? Слон? Невысоко же ты поднялся, если учесть, что отдал Конторе всю жизнь!

– Если тебя это утешит – большинство так и умирает пешками.

– После смерти пешка ты или ладья – уже без разницы.

– Не скажи. Мне всегда хотелось, чтобы меня везли на кладбище на лафете, хоронили в гробу, накрытом государственным флагом, и провожали салютом.

– Дважды, – сказал Сергеев. – Я видел это уже дважды в твоём исполнении. И флаг был, и салют. Ты свою мечту осуществил и неоднократно...

– А лафета не было, – возразил Мангуст серьезно и развел руками. – А без лафета – не та свадьба!

– Да, лафета не было, – согласился Михаил. – Но это у тебя еще впереди. Дослужишься до ладьи – лафет тебе точно обеспечат.

– Ну, спасибо, курсант. Утешил.

– Мы, пешки, ребята такие. Режем правду-матку, невзирая на личности. Нас много, заменить нас – легче легкого... Чего нам бояться?

– Слушай, Умка, я тебя прошу – не шути с огнем. Что это за ребячество такое?

– Да что ты, Мангуст! Какие тут шутки? И в мыслях не было! Но, вот что – пока не пойму причин столь пристального внимания к своей персоне – выполнить ваши пожелания, господин Слон, не обещаю.

– Так тебе интересно знать – кто сидит на другом конце веревочки?

– Просто не представляешь до чего интересно!

– Огорчу тебя, воспитанник, – никого там нет... У мирового порядка нет лица. Конкретного лица, я имею в виду... Люди – это ничто. Идея – всё!

Теперь уже улыбнулся Сергеев.

– Вверх и в темноту уходит нить... Андрей Алексеевич! Дорогой ты мой человек! Так мы никогда не договоримся! Я хочу понимать, чью просьбу меня просят выполнить.

Мангуст исчез из кресла. Испарился, точно как в былые времена, и тут же возник, но уже у окна, отодвигая рукой тяжелую штору.

Сергеев даже не успел понять, куда делся собеседник. Привыкнуть к рваному ритму движений куратора он не мог. Трюк с мгновенным перемещением в пространстве у Мангуста всегда получался, как наработанный иллюзион в цирке. Вот только оборудования в виде ширм и зеркал здесь не было, а была старая школа, о которой теперь рассказывают легенды.

«А ведь он значительно старше меня, – подумал Михаил. – Почти старик и этим напуган. Он тщеславен, как мальчишка. Он торопится. Еще пять-семь лет и ему никогда не стать даже ладьей. А умереть в роли банального слона для него невозможно по сути».

А ведь тогда, когда Мангуст, словно кавалерия из кустов, появился на побережье, он был всего лишь лет на десять моложе.

Сергеев с удивлением понял, что сколько в действительности лет Мангусту он не знает. Никто из кадетов этого не знал.

Мангуст был вечен.

Мангуст был всегда.

Он встретил их, когда они были сопливыми мальчишками, еще не до конца соображающими, куда и зачем они попали. Он и в те времена был уже немолод...

Хотя... В юности и тридцатилетний казался если не стариком, то очень пожилым человеком.

И на мангустовых мнимых похоронах не было таблички с именем и датами. Никаких зацепок.

Салют был – плюнули в небо огнем десяток карабинов. Флаг был – трехцветный, российский, обнявший закрытый гроб, как погребальный саван обнимает тело. Как теперь выяснилось – пустой гроб. Или все же не пустой? Умка вспомнил тяжесть домовины из полированного дерева на своих плечах...

«Кого же мы хоронили тогда?»

* * *

Расстояние до кубинских торпедоносцев было настолько мало, что столкновение показалось Сергееву неминуемым. Их катер не шел – летел, едва касаясь кормой воды. Сотни лошадиных сил ревели в машинном отсеке: винты бешено вращались, превращая воду в кильватере в бурлящую взвесь.

Если Михаил правильно рассчитал траекторию, то первый катер должен был ударить им в бок, ближе к корме, а второй рассечь форштевнем обломки, разлетевшиеся от удара.

Серо-зеленые корпуса, стремительные обводы... Катера напоминали пули, вылетевшие из винтовочного ствола и неумолимо несущиеся к цели. Они были значительно тяжелее, чем катер Мангуста, и потому более устойчивы. Если сигару прогулочного судна вместе с беглецами швыряло на волнах, то катера кубинских пограничников резали воду невероятно быстро и уверенно, рассекая гребни острым форштевнем. У носовых орудий суетились расчеты.

Мангуст бешено закрутил штурвал, и лодка изменила траекторию. Сергеев увидел, как куратор косит глазом, обернувшись, уперся взглядом в надвигающиеся справа торпедоносцы, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, а, просто прощаясь с жизнью, – уже который раз за эти недели! – выпустил последние гранаты по приближающемуся противнику.

Не попасть с такого расстояния было трудно, но он все-таки умудрился положить одну гранату мимо – судно в очередной раз швырнуло так, что лежащий на полу Кручинин громко застонал – почти вскрикнул, а Михаил ударился спиной и бедром о борт. Сильно ударился, но, слава богу, что не распухшим коленом, и потому сознания не потерял, только лишь заскрипел зубами от резкой боли.

Он еще не понял, куда легли гранаты, просто не успел увидеть ни разрывов, ни пламени. Все происходило с такой скоростью, что сработать успевали только рефлексy. Их катер проскочил под носом у пограничных судов буквально вплотную, на расстоянии не более пяти метров, и форштевни торпедоносцев рассекли кильватерную струю сразу за кормой. В какой-то момент падающему Сергееву показалось, что он может коснуться вражеского борта вытянутой рукой.

А выпущенные им гранаты легли достаточно удачно – одна разметала артиллеристов, готовящихся к стрельбе, угодив прямо в лафетную часть орудия, а вторая рванула на юте катера, откуда сразу же повалил черный, густой, как от горящей смолы, дым. Раненое судно резко сбавило ход, просаживаясь на корму. Второй же торпедоносец резко забрал вправо, описывая широкую дугу, и вышел в кильватер беглецам, повиснув у них на хвосте столь же уверенно, как становится на свежий след кровавая гончая.

Дум! Дум! Дум!

Прямо по ходу взлетели фонтаны воды: с катера открыла огонь автоматическая пушка. Мангуст крутанул штурвал, лодка шарахнулась из стороны в сторону. Сергеев, стараясь удержаться, выронил гранатомет и вцепился в сиденье, как утопающий за соломинку.

Дум! Дум!

Снаряды прошли над самыми головами, обдав Михаила тугими струями горячего воздуха. Теперь Мангуст положил судно на правый борт, и вовремя! Разрывы взметнулись в том самом месте, где они должны были оказаться секунду спустя.

Барабан гранатомета был пуст. Толку от него на такой волне и при скорости было, как с козла молока, но сидеть на месте и ждать, когда их расстреляют, Сергеев не хотел. Мангуст оглянулся, увидел в руках Михаила переломленный «ствол» и кивнул головой на сумку, лежащую под кормовым диваном.

Дум!

Фонтан воды накрыл их слева – снаряд лег ровно в метре от борта. Мангуст мгновенно направил катер в сторону разрыва и поступил правильно.

Дум!

Следующий снаряд угодил бы прямо в кокпит, но благодаря интуиции Мангуста он лег на самую малость правее – в редан ударил могучий кулак, оторвавший длинный корпус красного дерева от воды, и Кручинин, совсем уж было примостившийся на заднем диване, снова кубарем полетел по салону.

Сергеев зубами вцепился в брезентовые ручки сумки с боезапасом и, лежа на спине, судорожно набивал огромный барабан похожими на великанские револьверные пули гранатами.

Дум!

Сергеева искупало еще разок. Что-то запело, защелкало, засвистело, перекрывая рев моторов, на высоком, гнущем ветровом стекле появились отверстия, зазмеились трещины – в бой вступил кубинский пулеметный расчет.

Стрелять ребят научили на совесть, но это почему-то не радовало.

Закончив перезарядку гранатомета, Михаил вскочил. Хотя сказать «вскочил» было бы явным преувеличением. Колено и катер, прыгающий по короткой, крутой волне, как ошалелый заяц, делали процесс вставания мучительным и далеко не быстрым.

Скорость их катера была почти такой же, как у кубинского торпедоносца – если расстояние между ними и увеличилось, то незначительно. Пограничники по-прежнему висели в кильватере, явно не собираясь оставлять беглецов в покое.

А впереди, по курсу, уже виднелся знакомый Сергееву до боли силуэт. Он узнал бы его из тысячи. Многие из его коллег, увидев этот силуэт, сразу бы поняли, что в нейтральных водах их ждет никто иной, как «Академик Мстислав Келдыш» – на вид мирное исследовательское судно, а на самом деле – шпионский корабль, напичканный под завязку далеко не гражданской аппаратурой.

С него Сергеев не раз десантировался у чужих берегов, оно же, выходя на точку randevу, забирало их после выполнения заданий. Такое случалось как минимум трижды: в море, близ западного побережья Африки, возле Аргентины и в территориальных водах Вьетнама. «Академик» был отчетливо виден, но до него оставалось еще миль шесть, а это означало, что с таким же успехом корабль мог стоять на рейде Новороссийска и на Красной площади, пришвартовавшись к Мавзолею, – шансы добраться до него целыми и невредимыми, имея на хвосте два вооруженных до зубов торпедоносца, были практически равны нулю.

Дум! Дум!

Снаряды легли прямо по курсу, заслонив брызгами горизонт, Мангуст переложил судно на левый борт, уходя от огня. Сергеев прицелился, как мог, и выстрелил в сторону преследователей, больше надеясь на удачу, чем на верный глаз.

На задний диван, пачкая дорогую белую кожу сидений кровью из разбитого во время падения носа, снова выполз Кручинин. Глаза у него были безумные – от боли, страха и злости. Губы Сашки постоянно шевелились, и Сергееву почему-то подумалось, что шепчет он не молитву.

Выпущенная Михаилом граната легла гораздо левее форштевня кубинского торпедоносца – экипаж катера на разрыв даже внимания не обратил. Но тут же, словно в ответ, по сергеевскому судну ударил пулемет. Михаил стрельбы не услышал, звук относилось набегающим ветром и к тому же ревели на полных оборотах два четырехсотсильных мотора, но вдоль борта посуды прошла вскипающая пеной полоса от всплесков тяжелых пуль.

Били из крупного калибра. Такая очередь, попади она точно по их скорлупке, отправила бы катер на дно с той же эффективностью, как и артиллерийский снаряд. Сергеев привстал, прицеливаясь, и успел заметить, как от борта катера-преследователя отделился какой-то цилиндрический предмет и грузно рухнул в волны по ходу судна. Сергеев похолодел от догадки и на четвереньках бросившись к Мангусту, буквально вскарабкался по нему, цепляясь за трещащую по швам «гавайку», и проорал прямо в мангустово ухо: «Торпеда!»

Между катерами не было и трехсот метров. Длинное тело торпеды, оставляя за собой шлейф из пузырьков сжатого воздуха, несло под самой поверхностью моря со скоростью в пятьдесят узлов. Сергеев ее не видел, но хорошо представлял себе полутораметровый цилиндр, начиненный тремьями с лишним килограммами взрывчатки, рассекающий воду круглым упрямым лбом.

Мангуст заложил такой поворот, что обоих его пассажиров едва не вывалило за борт – Сергеев рухнул между сиденьями, как куль с мукой, а Кручинин перекатился с одного борта на другой и замер, уже и не пытаясь подняться. Михаил увидел совсем рядом его бледное лицо, перепачканное блестящей, как масляная краска, кровью, разбитые губы и быстро заплывающий опухолью бессмысленный глаз. Сашка был в нокауте, но автомат из рук так и не выпустил.

Торпеда, ведомая чутким акустическим датчиком, следовала за ними, как преданная собачонка за хозяином. Катер-охотник даже сбавил скорость и прекратил стрельбу из «эрликона»* – так замирает лучник, в момент, когда стрела уже сорвалась с тетивы и несется к цели. Экипаж с интересом смотрел за дуэлью скоростного прогулочного судна и выпущенной на волю смертоносной болванки.

Мангуст, рискуя перевернуться, чертил судном полукруг, и (Сергеев оценил замысел!) стремительно сближался со вторым катером, шедшим за ними малым ходом. На его корме, возле лежащих на направляющих торпед, суетились люди – экипаж тушил разгоревшийся от гранаты пожар.

Шкипер первого катера, скорее всего, тоже понял мысль Мангуста, и торпедоносец, развернувшись на «пятке», бросился было на выручку товарищу, но...

Похожий обводами на веретено или на боевую ракету «прогулочник» был проворнее при маневрах и к тому же имел запас по времени. Проскочив перед носом у дымящегося «подранка», Мангуст переложил штурвал направо так споро, что поднятая ими волна взлетела к солнцу радостными брызгами, выскочил кубинцам за корму и мгновенно сбросил ход до нуля, находясь прямо в кильватерной струе. И тут же рванул ручку на себя, да так, что судно, просев на транец, ринулось вперед, едва касаясь воды винтами.

Люди на корме торпедоносца растерялись – они были близко, и Сергеев мог рассмотреть все в деталях, вплоть до выражений лиц. Двое наиболее сообразительных кинулись к пулеметной «спарке», стоящей на поворотной турели, но в этот самый миг торпеда нашла свою новую цель.

Она ударила второй катер прямо в середину корпуса.

Такими торпедами топят эсминцы, а легко бронированное суденышко таким зарядом потопить нельзя. Его можно только разнести на куски.

Электромеханический взрыватель, настроенный на усилие в полторы тонны, сработал в тот момент, когда нос торпеды, пробив борт, оказался внутри судна. Триста двадцать килограммов взрывчатки превратились в раскаленные газы за доли секунды, взметнув обломки катера на высоту в полсотни метров.

Плывущие по небу тубусы торпед, пушка, летящая вместе с куском палубы, куски тел и несколько фрагментов надстройки, кружащиеся в вихре водяной пыли, представляли сюрреалистическое зрелище.

А потом по катеру беглецов прошлась взрывная волна. Судно ударило могучей кошачьей лапой, сдвинув на добрых два десятка метров вместе с водой и воздухом. Грохота Сергеев не слышал – он оглох раньше, за доли секунды до того, как звук достиг его ушей.

С неба падали обломки, дымящиеся, горящие, блестящие на солнце. В воздухе зависла бензиновая, остро пахнувшая взвесь. Рядом с бортом, так близко, что Михаил мог дотронуться до серой, как кожа дельфина, поверхности, в воду обрушилась торпеда. Катер залило волной, а огромный металлический цилиндр пошел ко дну, напоминая падающую авиабомбу – несущий винт свободно вращался в набегающем водяном потоке.

Они вылетели из облака водяной пыли, как пробка из горячей бутылки с «Игристым», и прошлись встречными курсами вдоль борта второго преследователя – от силы на расстоянии двадцати шагов.

Автомат в руках у Кручинина бился, как пойманная птица, и плевался огнем и гильзами. От бронированных жалюзи, прикрывающих рубку, летели искры. За ту секунду, что суда расходились, он выпустил по противнику весь рожок. А Сергеев судорожно рвал из-под сиденья застрявший там гранатомет и матерился – мишень стремительно удалялась.

Мангуст грозно «зыркнул» через плечо, точь-в-точь как атаман Лютый на цыгана Яшку во время погони в «Неуловимых мстителях», показал зубы и вывел двигатели на предельные обороты. Они вновь неслись к барражирующему в нейтральных водах «Академику Мстиславу Келдышу» – к своей единственной надежде на спасение. Но до спасения было еще далеко, а вот до смерти – рукой подать. Кубинский торпедоносец, развернувшись, снова бросился в погоню. Правда, теперь расстояние между ними было около полумили, но для «эрликона» это не дистанция, и для УБ* тоже.

С борта охотника метнулась в воду вторая торпеда. Ее скорость была на добрый десяток узлов больше, чем скорость обоих катеров: и беглеца, и преследователя, а запас хода – четырехкилометровым. Чуть меньшее расстояние оставалось до белоснежного борта «Академика Келдыша» – совершенного научного и шпионского судна, которое эта торпеда могла с легкостью отправить в морскую пучину.

Кубинский катер неслся за «прогулочником», как легавая за зайцем – забыв в пылу погони обо всем на свете. Сергеев с ужасом смотрел на сутулую спину Мангуста, склонившуюся над штурвалом, на вырастающий стремительно корабль с российским флагом на корме, и то и дело оглядывался на белый бурун, виднеющийся среди волн, уже в ста метрах от их кормы.

И это расстояние сокращалось с каждой минутой.

Они вышли из прибрежной зоны. Ветер крепчал, волна становилась все более и более крутой. Длинный корпус судна уверенно рассекал мохнатые гребни, но иногда его ощутимо бросало из стороны в сторону. Изменился и цвет воды – она стала гораздо темнее, утратив ультрамариновую голубизну. По поверхности катились белые барашки. Но торпеду было видно достаточно хорошо: пенный след перечеркивал вскипающие вершушки волн поперек, словно доисторическое чудовище скользило под водой вслед за беглецами.

Дум! Дум! Дум!

Засмотревшись на приближающуюся смерть, Сергеев совсем забыл о вражеской пушке. Три всплеска по левому борту заставили Мангуста резко сманеврировать, а торпеда уверенно срезала угол, еще больше сократив дистанцию.

Заяц догонял черепаху. Их безрадостная встреча должна была состояться через несколько минут. И тут, когда до спасительного судна оставалось уже менее двух километров, а торпеда висела в неполных пятидесяти метрах за кормой, прямо в кильватерной струе, над их головой со звуком разорвавшейся холстины лопнуло небо. Сергеев не видел момент выстрела, но только тогда, когда ракета, выпущенная, скорее всего, из «иглы»* прошла над головой, он ухватил взглядом дымный след, тянущийся от «Келдыша» в их сторону.

Торпедный катер кубинцев взлетел на воздух до того, как Михаил успел повернуться к нему лицом. Он видел лишь взмывший в небо столб воды, наполненный обломками и шарами пламени, по ушам снова хлестнуло взрывной волной. Куски чего-то непонятного забарабанили по воде вокруг, а перед Сергеевым, прямо на белую кожу сиденья, со звуком упавшей на пол мокрой тряпки, шлепнулся большой лоскут гимнастерки, пропитанный чем-то красным. «Прогулочник» взлетел над водой, разрубая винтами воздух, и рухнул вниз, страшно захрустев корпусом.

На заднем диване катера вновь возник Кручинин с древним трофейным АК в руках, и опершись локтями для устойчивости, открыл огонь по торпедке. Это был, скорее, акт отчаяния, чем разумный поступок, но Сергеев очередной раз восхитился силе воли этого человека. Сашка не хотел умирать, и только потому не умер. Ни на заброшенной гасиенде, ни в джунглях, ни в болоте, ни на

роскошном пляже возле недостроенного отеля.

Но сейчас...

Сейчас, похоже, пришла пора умирать!

Мангуст заложил еще один правый поворот, не такой резкий, как при противоартиллерийском маневре, но все же...

Судя по траектории, он хотел пройти в нескольких сотнях метров от форштевня «Академика Келдыша», идущего малым ходом.

Вот только времени на это почти не оставалось.

Обломки торпедного катера, привезенного на Кубу в начале шестидесятых в виде военной помощи давно не существующим Советским Союзом, медленно кружась, погружались на дно океана вместе с останками тринадцати членов экипажа. Двое из них закончили факультет пограничных войск при академии имени Фрунзе в городе-герое Москве, а еще двое Тихоокеанский морской институт имени Макарова в городе Владивостоке. На покой прилежных учеников отправила советская ракета, выпущенная из отечественного ПЗРК* «Игла» с борта российского судна РАН**, приписанного к порту Калининград.

Судьба иронично улыбалась.

Но улыбалась с иронией она не только мертвым кубинцам, но и живой пока еще троице: Мангусту, Кручинину и Сергееву – начиненный взрывчаткой цилиндр, летящий за ними по пятам, тоже был советским, родным, с надписью по-русски на круглом боку.

Последний привет несуществующего государства бывшим его гражданам.

Мангуст закричал что-то, выворачивая голову в сторону Михаила. Но расслышать его голос за ревом двигателей и треском кручининского АК было невозможно.

С трудом передвигаясь в кокпите, Сергеев подобрался поближе. «Прогулочник» трясло, как в лихорадке. Двигатели не ревели – звенели. Краем глаза Сергеев

увидел, что стрелки обоих тахометров на приборной доске замерли в красной зоне – с минуты на минуту масло могло вспыхнуть от перегрева.

Мангуст ухватил его за плечо, как клешней, и подтянул к себе.

– Умка! – проорал он, как будто бы Сергеев находился не рядом, а по-прежнему стоял в нескольких метрах от него. – Как я скажу – прыгайте!

Сергеев посмотрел ему в глаза.

Они были безумны.

В них не было страха. В них не было сострадания. Они были пусты. Такой взгляд должен быть у судьбы. Или у камикадзе, поймавшего в визир прицела силуэт приговоренного судна.

Или у смерти.

Сергеев открыл было рот, но Мангуст уже оттолкнул его в сторону, озабоченный только лишь замыслом, который собирался осуществить.

Михаил заковылял к кормовому дивану, на котором Кручинин дергал заклинивший затвор АК.

Торпеда была рядом – что такое двадцать метров дистанции для снаряда, идущего со скоростью пятьдесят узлов? Стоило Мангусту сбавить газ, и взрыв прозвучал бы через доли секунды.

Когда расстояние между ними и «Академиком Келдышем» стало меньше двух кабельтовых, Мангуст обернулся. На это раз лицо у него было вполне человеческим, и сам он выглядел, как обычный отдыхающий – в шортах и «гавайке», за штурвалом прогулочного катера. Рот его открылся, он взмахнул свободной рукой, словно командуя старт, и Михаил, не тратя времени на объяснения с Сашкой, ухватил Кручинина поперек туловища и перевалился через низкое леерное ограждение навстречу несущейся воде.

Удар был такой, словно Сергеев прыгнул на асфальт с летящего на полной скорости автомобиля. Воздух разом выбило из легких, но он, вцепившись в Сашку, как в последнюю надежду, катился по поверхности, как пущенный «на отскок» камушек. Удар, еще удар, они взмыли в воздух, крутя сальто, и вновь срикошетировали от воды. Михаила приложило о волну так, что руки его непроизвольно разжались, и Кручинин мячиком запрыгал рядом уже отдельно.

И вдруг вода снова стала мягкой. Сергеев вынырнул на поверхность, отфыркиваясь, не соображая, где он находится, но, твердо помня, что надо найти Сашку и не дать ему утонуть.

Кручинин «висел» в воде лицом вниз, растопыбив руки и ноги, как мертвый краб. Сергееву не сразу удалось перевернуть его на спину, но, когда это получилось, Кручинин зафыркал и задышал, отплевываясь.

Звук ревущих моторов удалялся, сам катер Михаил не видел, как не крутил шеей и не пытался приподняться – набегающие волны не давали рассмотреть горизонт.

Судно было рядом, на таях уже висела лодка, а у борта можно было рассмотреть лафет, с которого пускали ракету. «Академик» табанил обоими винтами, суетилась спасательная команда.

А вот взлетевший в воздух столб дыма и воды Сергеев увидел. Грохот взрыва донесся до него – громкий и продолжительный, словно раскат грома.

Заяц догнал черепаху.

Он позволил себе потерять сознание только тогда, когда их с Кручининим подняли в лодку. Сергеев еще чувствовал на себе чьи-то руки, укол иглы в сгиб у локтя, холодные прикосновения стали...

Когда он открыл глаза, было уже темно. За круглым стеклом иллюминатора на черном бархате южной ночи отблескивала луна.

Корпус судна ритмично подрагивал. «Академик Мстислав Келдыш» шел полным ходом, покидая район спасательной операции. В каюте, где лежал Михаил,

работали лампы ночного света, заливая белые простыни мертвенной синевой. И в этом синтетическом, пропахшем дезинфекцией свете лицо Дайвера смотрелось вытесанным из камня.

– Это ты... – только и сказал Сергеев.

На самом деле он ничего не сказал, просипел что-то совершенно невнятное.

Дайвер, видеть которого в виде заботливой мамочки было так же странно, как плачущего крокодила, осторожно приподнял его голову, поддерживая за затылок, и влил в пересохший рот прохладную воду, смешанную с лимонным соком.

Сергеев никогда не пил ничего вкуснее.

Он опустился на подушки, ощущая ноющую боль в раненой ноге, облизал губы и спросил, на этот раз членораздельно:

– Мангуст?

Дайвер поставил поилку на низкий столик и отвернулся. Молча отвернулся и почему-то сгорбился.

Сергеев прикрыл веки, мгновенно ставшие шершавыми изнутри.

Глава 3

– Вот уж не думала, что мы будем встречаться на нейтральной территории, – сказала Плотникова. – У тебя это, наверное, в крови. Плащи, кинжалы, тайные свидания...

«Тайные свидания» она произнесла, добавив к своей природной хрипотце изрядную толику хрипотцы искусственной, и голос прозвучал, словно авторский комментарий в «Байках из склепа» – пугающе мрачно. И смотрела она на

бывшего любовника, да что там любовника – мужа, хоть и гражданского, с той самой ледяной насмешкой, которой одаривала других своих «бывших», гордо вышагивая рядом с ним совсем недавно – чуть больше года назад.

На дне ее глаз все еще тлел (или ему казалось?) уголек привязанности, но его при всем желании нельзя было спутать с потаенным, осушающим и воздух в легких, и слезы на щеках, жаром страсти. Возвращение чувств – это мираж, в который может поверить только безумец, впрочем, если одиночество не успело пропитать воспоминания полынным соком ненависти, один из расставшихся всегда рад обмануться.

– Садись, – предложил он.

Вика подождала, пока он отодвинет для нее стул, присела, аккуратно оправив юбку на коленях, положила сумочку на скатерть и достала из нее свои гвоздичные сигареты.

Огонек серебряного «данхилла» (Сергеев автоматически отметил, что раньше она пользовалась разовыми зажигалками: дорогие безделушки долго не держались – она забывала их где попало) лизнул тонкую коричневатую сигарету, и воздух в зале наполнился таким знакомым, странным ароматом.

– Место выбрала ты, – возразил Сергеев. – Я тут совершенно не при чем!

– О да... – подтвердила Вика. – Я место, ты зал... Каждый выбрал свое! Как в шпионских романах, знаешь, чтобы избежать прослушивания или засады. Ты боишься засады, Сергеев?

Все было бы полбеда – и ирония, и показное (как же ему хотелось верить, что оно показное!) равнодушие: на что тут можно рассчитывать? Слишком свежи еще воспоминания о ее прикосновениях. О том, как пахнет ее кожа... Как щекотно дышит она в ложбинку под ключицей, как под утро прижимается к нему всем телом в поисках тепла.

Все было бы полбеда: воспоминания блекнут, выгорают и в конце концов становятся некими призрачными иллюстрациями к пережитому, картинками «в карандаше» на давно перевернутых страницах – вот только при звуках ее голоса у Сергеева все замирало внутри, и тщательно выстроенный план разговора

начинал сминаться, морщиться и превращаться в пепел, словно пергамент в огне.

А картинки оживали, ни дать ни взять – синема Люмьеров, и воспоминания – такие свежие, словно они и не воспоминания вовсе – неслись на него, как тот самый прибывающий поезд на публику на старой пленке.

– Нет, засады я не боюсь, а вот диктофон, будь добра, отключи. Журналистские рефлексы можно помаленьку и забывать. Ты же уже не совсем журналист...

Она рассмеялась. Весело, совершенно не обидевшись на слова Михаила. А еще год назад обиделась бы смертельно!

– Я уже совсем не журналист, Сергеев. Я пресс-секретарь премьера, а журналист и пресс-секретарь – это разные вещи! Ладно, считаем, что ты меня уел! Отключаю я машинку, отключаю...

Жмуря глаз от дыма по-мужски зажатой в зубах сигареты, она, поковырявшись в недрах своей рабочей сумки, извлекла на свет маленький, размерами примерно такой, как ее изящная зажигалка, цифровой диктофон. Красный светодиод на корпусе погас, и диктофон полетел обратно.

– Все, оружие сдано! Можем вести частную беседу. Ты ведь меня для этого пригласил?

Левая рука Плотниковой взлетела вверх, отбрасывая челку.

«Черт бы меня побрал, – подумал Михаил с горечью, – я не знаю, зачем вообще согласился на эту встречу. Чтобы лишний раз тебя увидеть? Чтобы поговорить с тобой? Чтобы попытаться поймать за хвост убежавшую любовь? Сам не знаю, зачем тебя сюда пригласил? Ведь не для того, чтобы вести переговоры? Разве с женщиной, которую все еще любишь, можно вести переговоры? Разве можно рассчитывать на победу, все еще не пережив поражения? На что я надеялся? Ведь понимал же, что не будет звуков окарины, звона гитарных струн и запаха мяса, шипящего на решетке. Ничего в этой жизни нельзя повторить: ни любви, ни трепета встречи и даже горечь расставания одноразова, как бумажный носовой платок. Мы никогда не станем друг для друга тем, чем были. А отнестись к тебе, как работе, я все равно не смогу».

- Блинов передает привет, - продолжила Вика. - Очень просил тебя подумать над дальнейшими планами. Ведь все это когда-нибудь кончится - выборы, политическая борьба, а жить дальше надо...

- Передай Блинову, что я не нуждаюсь в его советах.

- Думаю, что он в курсе... Но Володя прав, Сергеев. На этот раз они победят. А если не сейчас, то обязательно через четыре года. Знаешь, есть такая штука - неизбежность реванша. И дальше жить надо, как ни крути...

- Блинов у нас мастер по использованию друзей...

- Что ты плачешь? Ты жив. С тобой рассчитались сполна. Теперь ты у нас еще и богатый, завидный жених! Знаешь, сколько солидных дам и даже юных дев из киевского бомонда наводили о тебе справки?

- Дев? - переспросил Михаил с иронией. - Неужели?

- Ну, тут я несколько преувеличиваю... - улыбнулась Плотникова. - А если серьезно, даже Маринкины подружки о тебе расспрашивали! Что да как... Мне Марина рассказывала... Да, не кривись ты так, Михаил Владимирович! Сама знаю, что ты не педофил! Ты что - до сих пор один?

«Интересно, - подумал Сергеев, - есть в этом вопросе что-нибудь кроме праздного любопытства? Хоть чуть-чуть ревности? Это ведь тоже чувство - ревность! Неужели совсем без него?»

А в ответ только пожал плечами.

- А ты?

Она рассмеялась своим гортанным хрипловатым смехом.

- Ну, мне не привыкать... Знаешь, скажу тебе, как старому другу - после тебя на «постоянку» не тянет. Живя с тобой, я чуть не забыла, что такое ощущение свободы! - Она передернула плечами, словно озябла под порывом ледяного

ветра, Сергеев даже взглянул на кондиционер, висящий за ее спиной, но тот не работал. – Я была права тогда, Миша, нам не стоило сходиться так близко...

– Мы бы протянули дольше? Если бы не сошлись так близко? – спросил он.

Вика покачала головой.

– Вряд ли... Но тебе не было бы так... – она подумала, какое слово использовать, но ничего более подходящего не находилось, а незаконченная фраза повисла в гвоздичном дыму, словно коршун в восходящих воздушных потоках – между парением и падением. И она закончила ее так, как и хотела с самого сначала:

– Тебе не было бы так больно...

– Трогательная забота, – произнес Сергеев, пристально на нее глядя. – Но несколько запоздалая, ты не находишь? Знаешь, Вика, ты чем-то схожа с Блинчиком. Я даже догадываюсь чем...

– Интересно было бы узнать.

Она все-таки превосходно владела собой. Только тот, кто знал ее так, как Сергеев – а много ли на свете было людей, которые знали ее так хорошо? – мог заметить, как слегка изогнулся и задрожал уголок ее рта. Некая смесь брезгливости и надменности: для Плотниковой явный признак раздражения, готовности, взмахнув челкой, броситься на противника и, загнав его в угол, уничтожить морально.

– Отношением к людям. К близким людям, – пояснил он.

Плотникова раздавила окурок в пепельнице и внимательно посмотрела Михаилу в глаза. С нескрываемой насмешкой. Так может смотреть учительница на ученика-недоумка.

– Я предупреждала тебя с самого начала. Я не твоя. Я ничья. Мы расстались. Да. Но тебя никто не предавал.

– Блинчик тоже меня не предавал, отправляя на верную смерть. Он действовал по обстоятельствам – так было надо. Для любой подлости всегда находятся оправдания.

– Я тебя не предавала, – отрезала Плотникова. – И мне плевать, что там было у тебя с Блиновым и его компанией. Есть только ты и я. Я тебя встретила. Любила. Разлюбила. Детский сад пора заканчивать. Пока мы были вместе – нам было хорошо. Теперь мы врозь. И хватит об этом!

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Сергеев. – Ты не предавала. Ты просто выполняла данное слово. Или уступала обстоятельствам. Со мной. С Митькой.

В детстве Сергееву довелось слышать, как шипит на врага загнанный в угол камышовый кот. Плотникова шипела страшней – он таки задел ее за живое.

– При чем здесь Куприянов?! В чем я провинилась еще и перед ним?

Глаза у нее горели настоящим, звериным огнем, и Сергеев подумал, что еще один такой пропущенный словесный удар, и Вика вцепится в него когтями.

– Ты хоть знаешь, как я к Митьке относилась?!

– Вика, – сказал он, как можно спокойнее. – Я знаю, как ты к нему относилась. И не на секунду не сомневаюсь, что ты скорбишь по нему. А вот те, на кого ты сейчас работаешь...

Она расхохоталась. Настолько резко, практически без перехода – от вспыхнувшей магией злости до такого же безудержного веселья. Плотникова всегда была склонна к быстрой смене эмоций, но сегодня за этими вспышками Сергеев, которого учили психологии не самые плохие специалисты, чувствовал и неуверенность, и страх, и – не может быть! – даже сожаление.

– Я так и знала! Да, на античную трагедию ты мотивациями не тянешь! Миша, я прошу тебя – брось метать в меня стрелы! Это не конец жизни, поверь! Да, мы расстались! Да, я работаю на политических врагов твоих работодателей! Ну и что? То, что ты считаешь нравственной драмой, на самом деле – обычный плюрализм. Да пойми же ты – мнения и симпатии бывают разными. Почему ты

стремишься убедить меня в том, что твои предпочтения более правильные? Мы бы все равно расстались, даже если бы никогда не касались политики. Приезд твоего Андрея Алексеевича только ускорил неизбежное, это так – веришь ты в это или нет! Случилось то, что должно было случиться – не более того. И предложение Лысенко я бы все равно приняла – потому что это такой шаг вперед в моей карьере, что ты и представить себе не можешь!

Михаил не сразу понял, что это Мангуста она назвала так мирно, по-домашнему – Андрей Алексеевич. Все равно, что тигра назвать ручной киской – Барсиком, Мурчиком или Васькой.

Ах, Мангуст, грозный убийца змей, истребитель кобр!

– Действительно, не могу, – подтвердил Сергеев на полном серьезе. – Никак не могу себе представить, чтобы женщина, которую когда-то называли голосом свободы, женщина, которая публиковала самые смелые статьи-расследования, женщина, которой угрожали за ее острое и правдивое перо...

– Ох, я тебя прошу! – перебила его Плотникова. Она сморщилась так, словно раскусила зеленую виноградину. – Только не надо пафоса! Идеализм чистой воды! Те, на кого работаешь ты, такое же дерьмо, ничем не лучше! И если бы я пыталась ужалить в задницу их, не имея над головой надежной крыши, никто бы не выбирал гуманных методов, чтобы заставить меня замолчать. А вот Блинов с компанией – выбирал, хотя мог тогда и мокрого места от меня не оставить... Все в мире относительно, Сергеев!

– Как же, как же, помню... Был разговор. Только когда-то ты говорила об этом, как о трагедии...

– Да? – деланно удивилась она. – Возможно! Не помню. Знаешь, Миша, времена меняют людей. Совесть же не помешала тебе взять деньги у Блинова?

– Это он тебе сказал?

– Да, он... И этот твой... Андрей Алексеевич! Сергеев! Что ты изображаешь святую невинность! Ты лгал мне! Ты изворачивался! Ты выдавал себя за безобидную овечку!

– Я не лгал, – произнес он устало. – Я не рассказывал того, чего не должен был рассказывать. Понимаешь, Вика, есть такая вещь – чужие тайны. Некоторые безобидные, а на некоторых стоит гриф – хранить вечно. И если ты думаешь, что Мангуст рассказал тебе хоть что-то серьезное – ты очень ошибаешься. Ему нужен был я. И он нашел способ наказать меня за вполне предсказуемое неповиновение. Тем, что отнял тебя...

– Печальный Демон, дух изгнанья... – продекламировала Плотникова. – Никто ни у кого никого не отнимал! Я тебя умоляю, Сергеев! Не изобретай на ходу! И откуда же он знал обо мне? О наших отношениях?

На этот раз он не сдержался от улыбки, только получилась она какой-то вымученной, деревянной.

Откуда и что Мангуст знает? Такой вопрос мог задать только тот, кто совсем не знал Мангуста и Контору, которая за ним стояла.

Но и спорить, и объяснять что-нибудь было бесполезно. Объяснения должен кто-то выслушать, а Плотникова наверняка вынесла вердикт заранее. И, насколько Сергеев знал ее характер, он был окончательным, обжалованию не подлежащим.

– Давай так, – предложил Сергеев. – Расставим точки над «і», чтобы больше к этому не возвращаться. Я не безобидная овечка – это факт, и никогда ей не притворялся. Рекомендую тебе запомнить – вдруг еще раз доведется беседовать? – Андрей Алексеевич, который открыл тебе глаза на мою страшную сущность, – тоже не нежный лепесток алой розы. Рядом с ним даже я почти святой. И еще – ты бы никогда и ничего не узнала, если бы им не понадобилось достать меня.

– Больше всего, – сказала Вика, – я люблю местоимение «им». Кому? Им. Им понадобился я. Зачем? Почему вдруг? Почему им? Как в плохом кино... Господи, Сергеев, неужели ты, такой умный, и не можешь придумать что-то оригинальное?

Михаил пожал плечами.

– Мангуст приехал, чтобы попросить меня об одолжении.

- Какое это было одолжение ты, естественно, не скажешь...

- Ну, почему, кое-что скажу. Ты все равно или не поверишь, или никогда не станешь это использовать.

Ее брови удивленно взлетели вверх.

- Ага. Значит, сейчас ты расскажешь мне какую-нибудь небылицу. И эта небылица будет касаться кого-нибудь из моих шефов.

- Так стоит ли? - спросил Сергеев грустно. - Может быть, достаточно того, что он просил об одолжении? А для того, чтобы попросить особо убедительно, до того поговорил с тобой...

- Наверное, не стоит, - согласилась она, закуривая следующую сигарету. - Было, не было - какая разница? Что, это что-нибудь поменяет?

- Не думаю.

- Сергеев, будь умницей. Не стоит обострять отношения.

- А что, еще есть что обострять? - спросил Сергеев, не рассчитывая на ответ. - Что ты будешь пить?

- «Кампари» с лимоном и льдом.

- Что будешь есть?

- Ничего. Мне надо держать форму.

Он усмехнулся. Это тоже было новым в ее мировоззрении. Никогда раньше Плотникова не ограничивала себя ни в еде, ни в удовольствиях. Она могла озаботиться состоянием талии после изысканного ужина и бурной ночи с шампанским, особенно если случался «перебор», и утренний взгляд в зеркало, мягко говоря, не способствовал оптимизму. Но это было лишь мимолетным беспокойством. Случайный испуг, никогда не перераставший в фобию.

Килограмм туда, килограмм сюда – разве могут такие мелочи испортить хороший аппетит к жизни?

Утром, выскальзывая из-под простыней, она на секунду замирала перед трельяжем, стоящим в спальне, хлопала себя по крепкому круглому заду, так, что звон шел, потом по бедрам и гораздо осторожнее по чуть выпуклому животу, и со словами «Целлюлит не спит!» удалялась в душ. Сергееву рассмотреть этот самый целлюлит так ни разу не удалось.

Пока она плескалась в душевой кабинке, Михаил успевал размяться: без фанатизма, но так, чтобы разогреть мышцы и заставить кровь бежать быстрее. Сказывалась многолетняя привычка к утренней зарядке: без нее он чувствовал себя хуже, чем без завтрака.

Кофе.

Он всегда варил его сам. Вика делала сэндвичи с сыром, с ветчиной или маслом – к кофейному священнодействию она и не приближалась.

Утренний поцелуй в щеку.

Или, когда хотела подразнить – в губы.

Бывало, правда, когда желание подразнить переходило в другое, более серьезное желание. Тогда одежда летела прочь, кофе стыл на столе, а стоны Плотниковой тревожили голубей за окном, и они урчали, и суетились на подоконнике, неуклюже переступая с ноги на ногу.

Гремело под когтистыми птичьими лапами кровельное железо, ветер колыхал тюль занавесок, и через приоткрытые окна, вместе со сквозняком, в квартиру врывалось утреннее солнце.

Любовь с утра действовала на Вику умиротворяюще. На ее губах появлялась нежная, совершенно несвойственная ей улыбка – ежик прятал иголки. Она могла даже коротко задремать на его плече, чтобы спустя каких-то пять минут открыть глаза и вскочить с постели бодрая, как ни в чем не бывало. Или же, нащупав трубку мобильного телефона, почти наугад набрать номер и заявить

безропотному Митьке:

– Буду. Но не скоро. Вы там без меня.

И Митька, тогда еще живой, терпеливо вздыхал и принимался за работу.

Как быстро она все забыла. Как быстро она все простила.

– Может быть, все-таки съешь что-нибудь?

– Не трать время, Сергеев... Если бы ты пригласил меня на ужин, или на завтрак... Я не ем днем.

– Ты сменила не только друзей, но и привычки... – снова не удержался Михаил.

Глаза у Плотниковой стали злыми, взгляд отяжелел и мог пригнуть впечатлительного человека к земле, словно жернов, повешенный на шею.

– Ты позвал меня сюда, чтобы хамить? – осведомилась она, почти не артикулируя, только чуть приоткрыв губы – чревовещатель на мистическом сеансе, да и только! – Или все-таки у тебя было какое-то дело?

Сергеев поймал себя на мысли о том, что слышит в ее речи интонации Лысенко, но сразу понял, что ошибся. Наоборот, это в речи косноязычного и полуграмотного Лысого теперь слышались ее интонации. Вика всегда была «укротительницей тигров» и господин премьер не избежал общей участи. В моменты, когда он обуздывал рвущиеся на свободу междометия, использовались Викины обороты, построение фраз и даже логические взаимосвязи просматривались ненароком. Но междометия все-таки преобладали.

«Впрочем, – отметил про себя Михаил справедливости ради, – в команде, к которой принадлежу я, тоже нет особых ораторов».

Неплохо говорил Дорошенко, но его вечные обращения к самому себе в третьем лице могли достать кого угодно. Президент же говорил связно, но ни о чем. Это поняли давно и перестали слушать – только кивали головой, чтобы не обидеть, да горячо хвалили по окончании.

Трибун в Украине был один – Регина Сергиенко, но она представляла третью сторону. Ту, самую опасную, реальную третью силу, о которой столько говорили политологи, но которую никто не решался называть вслух, по имени, дабы не злить властямущих. Зато десятки политических пигмеев, расплодившихся в новорожденной демократии, словно клопы в диване, которые были «никем» и имя которым было «никто», называли третьей силой самих себя, не имея на то ни талантов, ни достаточной финансовой поддержки.

Сергеев понимал, что следующий исторический ход, при определенном везении, будет за госпожой Сергиенко. Она так ловко использовала сложившуюся между двумя основными игроками неприязнь, так непринужденно сталкивала противников лбами, ставя их на грань боевых действий, так вдохновенно врала, смотря по обстоятельствам, что просто не могла не стать общим врагом!

В этом была сила замысла, и в этом же таилась колоссальная опасность – а вдруг у кого-то не выдержат нервы?

В стране, в которой много лет вопросы бизнеса и споры политических элит решались с помощью автомата Калашникова, так дразнить гусей мог только безумно смелый или гениально расчетливый человек. Или человек, забывший, что бизнес и политика имеют одни и те же правила игры, в которых крутизна человека на начальную скорость пули никак не влияет.

И если Блинов с Титаренко находились за кулисами политической сцены, наблюдая за бенефисом Лысенко и остальной команды, включая сидящую напротив Плотникову, то госпожа Сергиенко билась в первых рядах своих единомышленников, никому не желая отдать наслаждение завоеванной победой. Сергеев ее понимал. У победы, за которую пролил кровь, совершенно другой вкус.

Его собственные работодатели редко появлялись на баррикадах. «Большие деньги любят тишину кабинетов...» Им явно было что терять.

Молчание затягивалось.

Они кружили вокруг да около, словно борцы на татами в ожидании неверного жеста противника. Но кто-то должен был начать первым, иначе встреча теряла

всякий смысл. Во всяком случае для тех, кто стоял за кулисами.

– Давай поговорим о деле, – сказал Сергеев, собравшись с духом.

Плотникова посмотрела на него с оттенком благодарности. В этой партии сделавший первый ход вполне мог и проиграть.

– Так говори...

Михаил вздохнул.

Лучше бы он пообщался с Блиновым. Или Титаренко. С Лавриком-жополизом, в конце концов. Только не с ней.

Но говорить надо было только с Викторией – ни с кем иным. Только она могла спустить все на тормозах с чисто журналистской непосредственностью. А могла и не спустить, вне зависимости от мнения начальства. В общем, как человеку в прошлом военному, Сергееву было хорошо известно, что исполнять приказ можно по-разному.

– Вы, как нам стало известно, готовите пресс-конференцию, – начал он. – И хотите обнародовать некоторые документы...

– Да? – переспросила Вика насмешливо. – И какие же такие документы мы хотим обнародовать?

Сергеев посмотрел на нее с укоризной. Легкий дымок все еще вился над полуистлевшей сигаретой; в алой жидкости на дне широкого стакана таяли кубики льда.

– Документы, касающиеся газового соглашения...

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – произнесла она с улыбкой. – Я всего лишь пресс-секретарь, а не глава департамента разведки.

«А с такой выдержкой вполне бы могла им стать», – подумал Михаил.

– Вика, а если все-таки не играть в кошки-мышки?

– Не понимаю, о чем это ты! – изображать невинность у Плотниковой получалось плохо. Откровенно плохо. Вообще, невинность с такими умными глазами встречается крайне редко.

Сергееву почему-то вспомнился их давнишний разговор в квартире на Печерске и Викина растерянность, когда она говорила об отказе от расследования вексельного дела. Тогда ему казалось, что ею двигала только любовь к дочери, страх за ее жизнь. Это было понятно, по-человечески понятно... Он бы и сам сделал для Маринки многое, если не все, но...

Новым хозяевам – а они таки у Плотниковой были – не надо было пугать Викторию Андроновну. Ни тогда, ни сейчас. И вовсе уж не надо было взрывать Куприянова для сохранения тайны. Его смерти Сергеев себе простить не мог: как ни крути, а подставил Викино «альтер эго» под удар именно он. И черт его дернул передать документы Куприянычу! Неужели было сложно сообразить, что Плотникова шарахается от бумаг вовсе не потому, что брезгует бывшим любовником? Что за ее нежеланием встретиться стоит природная осторожность и осознанный выбор, а вовсе не женские обиды? Как она сказала тогда, в выгоревшем дотла пресс-пункте?

– Не смей меня ни в чем винить! Я и понятия не имела, какими делами он с тобой занимается! Доволен, Сергеев? Да? Ты этого добивался?

Взрыв ста граммов пластида в сравнительно небольшой комнате очень убедительный аргумент. В тот момент, когда сработало взрывное устройство, дипломат был у Куприянова на коленях. Пресс-пункт к их приходу убрали, как могли, вот только убрать в таких случаях можно далеко не все.

Плотникова была бледна. Под ногами хрустело битое стекло. Гнутые конструкции в углу мало походили на мебель. И пахло в комнате страшно. Кисло, до пощипывания на языке – взрывчаткой и гарью. И сладковато, тошнотно – тем, что не полностью отодрали от стен и пола.

Губы у Виктории Андроновны дрожали, кончик сигареты не попадал в пламя зажигалки. Взглядов Сергеева она избегала, а в тот момент, когда глаза их встречались... Лучше бы этого не происходило – настолько чужим и далеким был

ее взгляд.

– Я тут не при чем... – сказала она.

Вика действительно была не при чем, она просто умыла руки. А тот, кто умывает руки вовремя – не виноват. Традиционно и окончательно – невиновен.

Это вердикт.

Можно еще сказать: «Я же вас предупреждала!» – и это будет абсолютной правдой.

Можно искренне плакать на похоронах, как и случилось на следующий день. Только сути произошедшего с Куприяновым не изменить.

Это была бессмысленная, глупая смерть и, главное, совершенно ненужная ни одной из сторон. Зачем убивать там, где можно купить? Это ведь так просто: оплатить преданность новому хозяину.

– Вика, – повторил он. – Не хочешь – не говори. Просто передай Блинову. Или Титаренко. Или Лысенко. В общем, сама решишь кому. Если вы обнаружите свои документы, я обнаружусь свои. Те, за которыми приезжал Андрей Алексеевич. Поверь, это качественные материалы. Шума будет много. Год назад это никого бы не волновало, но сегодня... Сегодня это будет самое то.

– Зачем ты ввязываешься в это, Миша? – спросила Плотникова неожиданно серьезно. – Это не твоя драка. Ты у нас кто? Ты же человек военный... Был и останешься! Ты же не политик! Куда ж ты прешься, Сергеев, со свиным рылом в калашный ряд! Себя не жаль?

– А что? Убьют?

– Могут, вполне...

– Вика, меня столько раз пытались убить. Очень серьезные люди пытались...

– Везение не длится вечно. Это не твоя полянка, Сергеев. Не строй из себя Мак-Лауда. Тебе от их победы что? Обломится? Кто ты сегодня? Никто! И завтра будешь – никто?! И послезавтра! Пушечное мясо во все времена оставалось только пушечным мясом. Проспись! Тебя банально пользуют!

– А тебя?

Плотникова рассмеялась.

– Меня? Ну, бывший мой любимый, если бы так, как меня пользовал ты, я бы сказала – правильно делаешь, Сергеев! Борись и обрящешь! В случае победы Лысенко я пять лет буду главной журналисткой страны!

На этот раз рассмеялся Сергеев – искренне, совершенно без натуги.

– Журналисткой, Вика? Ты, наверное, опять оговорила? Ты уже не журналист, Вика, ты цензор, держиморда, да кто угодно, но только не журналист! И прекрасно это понимаешь! А если Лысый победит – ты станешь еще круче. И чем выше ты будешь подниматься, тем меньше у тебя шансов когда-нибудь стать самой собой. Тебя уже ненавидят и боятся твои собственные коллеги. Тебя, бывшую всеобщую любимицу – ненавидят и боятся твои вчерашние друзья. И с каждым днем – это будет прогрессировать...

– А мне плевать! – прошипела она, сощутив свои желтые глаза. – Плевать, понимаешь! Да, те, кто меня теперь не любит, отдали бы все, чтобы оказаться на моем месте! Честь, совесть – все, что, представь – отдали бы! Мы люди творческие, для нас ненавидеть коллегу – это как дышать – совершенно естественно! Ненавидеть и нежно целовать в щеку, сочувствовать и предавать одновременно, поддерживать на словах и тут же желать занять его место!

– Тебе виднее... Это-то твоя полянка? Да?

– А ты у нас святой?

– Я не святой...

– Слава богу! – обрадовалась Плотникова и заговорила быстро и зло, выплевывая слова ему в лицо. – А я уж думала – ангел во плоти! А если ты, Михаил Александрович, не святой, то скажи мне, зачем ты голову за этого блаженного идиота подставляешь? Ты что, не видишь, что просрано все, что только можно было просрать и даже больше! Они же даже не импотенты, они кастраты! Да с таким кредитом доверия можно было не один, а два срока продержаться, а они все слили за пару лет!

– Вижу, Вика, я не слепой – все вижу. Только дело в том, что и твои, и мои для меня одинаково тошнотворны! И будь моя воля, я бы и своих, и твоих собрал бы мокрыми трусами и выкинул куда подальше! Выкинул бы скопом – всех кто слева, справа и в центре! Но есть одна проблема, Виктория Андроновна! Следующие, те, кто придет к власти завтра, а ведь кто-то придет обязательно, потому что свято место пусто не бывает – они будут еще хуже. Да, я их не знаю, но зато уверен, что они будут в тысячи раз хуже! Жадней! Беспринципней! Циничней! И у каждого из них будет программа, как защитить народ! И берущие за душу лозунги. И они опять будут говорить и воровать, воровать и говорить, говорить и воровать! В этой стране к власти всегда приходят демагоги, а не профессионалы! Ты спрашиваешь, чем твой шеф лучше моего? Да ничем, кроме того, что он мой. Просто сотрудничество с ним больше соответствует моей внутренней сущности! Я ему не присягал, Вика, и я не за него голову подставляю! Я за себя ее подставляю. За свои представления о том, что правильно, а что нет. Что справедливо, а что нет.

Плотникова улыбнулась, едва-едва улыбнулась – приподнялись уголки губ, да в уголках глаз появились «гусиные лапки».

– До сих пор не могу понять, – сказала она, внимательно глядя Сергееву в глаза, словно пытаюсь рассмотреть что-то в их глубине. Это был ее фирменный прием, ввергавший в смущение тех, кто сталкивался с ней в первый раз. Попробуйте выдержать такой вот «сверлящий» взгляд! – Кто же ты на самом деле, Миша. Блаженный? Солдафон безмозглый? Дон Кихот? Десперадо? Что тобой двигает?

– Ты же сказала, что у меня больше нет тайн...

– Это не тайна, Сергеев. Тайна – это сокрытое. А ты сейчас ничего не скрываешь... Забрало поднято! Ах, посмотрите, вот он какой я! Выставляешь свое благородство напоказ? Не верю! Крокодильи слезы! Ты же убийца, Сергеев, профессиональный убийца. Выкованный и закаленный в засекреченной

спецшколе меч государства, и то, что это государство давно сгнуло, ничего не меняет. Присяга для тебя, дурака, до сих пор нечто сакральное, а ведь именно тому государству ты и присягал! Но это же неправильно! Бред! Тебя же растили, чтобы ты мог убивать, лгать и менять личины! Ты же должен быть безнравственным, как этот твой Мангуст! Это ты мне должен доказывать до хрипоты, что цель оправдывает средства, а не я тебе! Сергеев, ну, кто, скажи на милость, тебе сказал, что для этой страны одна марионетка будет хуже, чем другая марионетка? Ну кто?! Ведь все равно кто-то будет дергать за нитки! Мы слишком слабы, чтобы быть независимыми, и наше спасение – это выбрать себе достойного покровителя. Нас все равно будут трахать, так пусть уж партнер окажется не промах! Оглянись, Сергеев! У нас не такой большой выбор! Оглянись, подумай, вспомни в конце концов, на кого ты работал всю жизнь! Посмотри на Россию – что, Крутов плохой вариант? Да, он диктатор, готовый монарх, основатель новой императорской фамилии, попомни мои слова! Но он то, что нужно России, а может быть, и то, что нужно нам! Жесткий, волевой правитель, способный сломать хребет любому врагу – внешнему и внутреннему! Он же из твоего бывшего ведомства, ты же его только за одно это обожать должен! У вас же корпоративность расстрелами прививалась! А ты что? Бракованный экземпляр? Или ты просто сломался?

– Сломался? – спросил Сергеев, слегка обескураженный напором. – Ты это в прямом или в переносном смысле?

Вика промолчала, но глаз не отвела – ждала ответа. И тогда Сергеев заговорил, стараясь быть спокойным и рассудительным.

– Я не сломался, Вика. Я не считаю, что Крутов благо для России. Я не считаю, что Лысенко благо для Украины, даже если за ним стоит Крутов. Я всегда хотел одного в своей новой жизни – наконец-то быть нейтральным, но не повезло. Не задается у меня с нейтралитетом! Как говорил д'Артаньян – случилось так, что все мои друзья на стороне королевы, а все мои враги по нелепому стечению обстоятельств – на стороне вашего преосвященства.

– У тебя нет друзей, Сергеев, – выговорила Плотникова, словно пролаяла, так сухо и отрывисто прозвучал ее хриловатый голос. – Ты не научился их заводить. Не учили вас этому. Незачем было. Только убивать и калечить учили. Так что ты по своей основной специальности работай – душегубом, а в политику не лезь! Не твое это, Миша, дело... И страна эта не твоя. Ты здесь чужой, Сергеев! И в России – чужой. Вас специально растили, как в инкубаторе, – безродными. Так

что ты везде чужой!

Это было на удивление больно – он даже предположить не мог, насколько Викины слова могут задеть. Они вливались в его жилы расплавленным свинцом и растекались по всему телу, наполняя каждую клетку жидким огнем. Больно было настолько, что он невольно представил на мгновение, да что там представил – почти почувствовал, как пальцы его правой руки смыкаются на тонкой шее Плотниковой. Большой палец идет вниз, против часовой стрелки, а согнутый указательный наоборот – по часовой – и хрустит под ладонью хрупкая гортань...

И тут из жара его бросило в холод, да так, что на скулах, казалось, выступил иней. Дыхание сперло, воздух сжался в ледяной шар в районе средостения и медленно покатился к сердцу. Михаил мысленно посчитал до десяти и выпустил заиндевевший в легких воздух через ноздри.

Медленно.

Неслышно.

Он смотрел в лицо своей бывшей жене, даже не подозревавшей насколько близко от смерти она находилась мгновение назад. Близко, как никогда до того. Гораздо ближе, чем тогда, когда Митька притащил в редакцию «заряженный» пластитом дипломат.

Ближе, чем в те дни, когда у нее отнимали материалы расследования афёры в энергетике.

Многие, очень многие из тех, кто знал Сергеева в его прошлой жизни, никому бы не посоветовали задевать его подобным образом! Но Вика не боялась.

И ничего удивительного! Ей довелось прожить рядом с этим ангелом смерти не один год. Спать с ним в одной кровати, заниматься любовью, ходить в театр и в гости, и даже пить приготовленный самим Аббадоном ароматный кофе.

Плотникова привыкла к нему, как привыкает беспечная хозяйка к вышагивающему рядом безмозглому стаффордширскому терьеру, способному в

любой момент разорвать ее на куски.

Только этот терьер по кличке Сергеев по-настоящему любил свою хозяйку, и Вика это знала.

Трезвый расчет. Один трезвый расчет. Ничего более.

* * *

Ветер гнал над землей красную пыль.

Винты старого DC крутились, издавая низкий, как гудение огромного шмеля, гул. Колеса шасси, обутое в истертую резину, еще понемногу катились по грунтовой полосе, а запах этой красноватой взвеси, всепроникающий, как керосиновая вонь, уже наполнил трюм транспортника.

Сергеев по своему опыту знал, что буквально через считанные минуты этот сухой порох будет скрипеть на зубах, забиваться под веки и в ушные раковины. Красной пудрой присыплет волосы на голове, она же окрасит брови и ресницы, и все вновь прибывшие начнут посекундно отплевываться, роняя на землю шарики вязкой, как желатин, слюны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valetov_yan/duraki-i-geroi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)